

Поучения
пророчества
старца
ЛАВРЕНТИЯ
ЧЕРНИГОВСКОГО
и Его жизнеописание

Москва

Русский Духовный Центр

1994

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Он был всем вся

Митрополит Иосиф Алма-Атинский, архиепископы Симон, Вениамин Иркутский, Евмений Житомирский, епископ Иаков Черниговский, наместник Киево-Печерской Успенской Лавры архимандрит Кронид, схиархимандрит Прохор Почаевский и схиизгумен Кукша, которым приходилось с Батюшкой о. Лаврентием встречаться, свидетельствовали об о. Лаврентии, что он был великий подвижник и старец таков, как иеросхимонах Амвросий Оптинский и Варнава Гефсиманский.

Все они имели с глубоко почитаемым старцем беседу, получали утешение, помощь и пророчество, которое и исполнилось.

Покойный митрополит Иоанн Киевский глубоко чтит память схиархимандрита о. Лаврентия и всегда при разговоре о нем свято с благоговением относился к нему, сам лично удостоверившись в его смиренных словах и прозорливости, и говорил: «Велик и дивен сей старец».

По рассказам протоиерея о. Александра, настоятеля Кафедрального Спасо-Преображенского Собора и секретаря Епархиального Управления, священномученик Василий архиепископ Черниговский говорил об о. Лаврентии в 1915 или 1916 гг.,

что в нем почивает Дух Святой и он подобен древним Святым.

Архиепископы Симон и Андрей, епископы Иаков и Нестор называли о. Лаврентия великим светильником и столпом православия.

Да, он действительно был светом Веры Православных и ее оплотом и поборником, ибо сам никогда не колебался в единстве Церкви, и не имел общения с живистами-обновленцами и украинцами-самосвятами, и верных укреплял в Православии. Говорил, что по примеру святителя Феодосия нужно держаться единства и не дробиться. Всегда верен был Московской Патриархии, и сие всем заповедал. Батюшку много раз арестовывали, но всегда отпускали.

Перед закрытием монастыря в г. Чернигове поехал м. М. с ходатайством в Московскую Патриархию, где был принят сначала архиеп. Киприаном, а потом патриархом Алексием I-ым, беседа была длинная, где разговор зашел о чудесах святителя Феодосия, а потом Святейший повел разговор о схииеримандрите Лаврентии и сказал, что Харьковский митрополит Стефан говорил ему, что о. Лаврентий свят, и присовокупил, перекрестясь: преподобне отче Лаврентие, моли Бога о нас.

Он долго горел — не сгорая

И много сердец просветил...

Отверзлись пред ним двери рая

За то, что он много любил.

И сейчас монашествующие и мирские люди не только г. Чернигова, а и всей Руси, которые помнят и знали лично старца подвижника и помощника в разных нуждах, обращались к нему или слышали о нем, или читали об о. Лаврентии, верят, что душа праведного старца вселилась в небесные обители, ходатайствует пред престолом Господа Вседержителя и молит о нашем спасении..

Псалмопевец Давид святой, царь и пророк сказал: «Дивен Бог во Святых Своих!..» Дивен он и в о. Лаврентии, скажем и мы, верные чада Православных Веры и Церкви.

В этой книге: «Поучения, пророчества старца Лаврентия Черниговского и его жизнеописание» изложен личный рассказ старца и воспоминания его духовных чад, инокинь женского монастыря, которые до последнего дня его жизни были с ним и около него.

Я от себя лично дополняю то, чего не было написано в прежних житиях сего старца, но хранилось в разных рукописях. Всех лиц, коих я вспоминаю, знал я лично и имел с ними беседу.

Вечная память тебе, добрый и смиренный труженик и исповедник на Ниве Божией. Тебя не забудут в род и род.

Схиигумен Херувим Дегтярь

г. Чернигов

Схиархимандрит Лаврентий, в мире Лука Евсеевич Проскура, родился в 1868 году в селе Карильском близ Коропа Черниговской области.

Родители его, Евсеев и Христина, были простые крестьяне. В семье было 7 детей (5 мальчиков). Лука был одним из младших. Детство было тяжелым, нужно было с ранних лет приучаться ко всякой домашней работе.

А тут еще не повезло со здоровьем. Будучи еще малышом, шутливо надел на голову решето и бегал по двору, зацепился и, отступая детскими ножками назад, упал на поросенка так сильно, что получил увечье на всю жизнь (был хромым).

Мать часто болела, не поднималась с постели. Отец умер, и мальчику приходилось исполнять и мужскую, и женскую работу.

Он пас лошадей, ухаживал за коровой, топил печь, пек хлеб, убирал в избе, белил, мазал и даже стирал, выучился портняжничать. В общем, был очень способный мальчик, послушный, трудолюбивый.

Особенное было призвание к музыке и пению. Рано научился играть на скрипке. И бывало утром приведет лошадей с ночного и до завтрака проиграет в клуне свои любимые мелодии, где он изливал свою детскую душу.

Старший брат его — Варфоломей — оставался жить на старом двореце, где и сейчас живет его дочь Зоя и невестка с дочерью.

Младший брат — Демьян, которому Батюшка отдал свою часть наследства и который помогал Батюшке, посещая его в монастыре, был убит на фронте. Другие два брата выехали «на переселении» (были сосланы), и о них ничего не известно.

Учился Лука в сельской школе хорошо, превосходил успехами своих сверстников. Учитель поручал ему обучать младших товарищей по школе. И он охотно исполнял это поручение.

Учащихся приучали в то время петь в церкви. И тут маленький Лука чувствовал себя в своей стихии. Он быстро все усвоил: как пение, так и весь строй церковного богослужения, прекрасно разбирался в уставе службы и в 12 лет с помощью священника разучивал песнопения со своим маленьким ученическим хором, где были как мальчики, так и девочки. А в 14 лет уже стал самостоятельным регентом.

Еще с ранней юности Батюшка почувствовал влечение к монашеской богоугодной жизни. Это чувствовали его товарищи и следовали его примеру. Почти все девочки потом ушли в монастырь (м. Ардалеона, м. Евгения), а мальчики (юноши) даже достигли Афона.

Сам Батюшка часто навещал мужской монастырь Рыхлы, который влек его своим пустынным образом жизни. Находился он в 19 км от Карильского (сейчас весь в запустении). Но Батюшка должен был уступить материнской любви. А когда в глубокой старости умерла мать, Батюшка недолго оставался дома, а через полгода, отказавшись от своей части наследства, попросил старшего брата Варфоломея отвезти его в монастырь Рыхлы, и лет 23-х был зачислен в монастырь на послушание регента монастырского хора и уставщика.

Весть о способном регенте распространилась далеко за пределы монастыря. Узнали о нем и в Черниговском Троицком мужском монастыре.

И года через три владыка Антоний дает письменный запрос о немедленном переводе Батюшки в Черниговский Троицкий мужской монастырь в качестве главного регента.

Владыка Антоний был подвижник высокой духовной жизни. Говорят, что он соблюдал строго иноческий обет нестяжательства. Например, имел только две одежды. Одну, которую носил, и другую, праздничную (ряса). А если ему пошлют к дню Ангела (преп. Антония) новую, то он обязательно старую кому-то отдаст.

Владыка Антоний прозрел в лице инок Луки великого в будущем молитвенника. Когда он делал на него запрос в монастырь Рыхлы и Лука долго не приезжал, то братия и настоятель заревновали, говоря: «все Луку, да Луку, будто и людей больше нет...»

А владыка Антоний возразил им словами: «Э, то такой Лука, что все будут спрашивать у него». Что, конечно, и сбылось в свое время.

Не хотелось Батюшке оставлять молитвенное пустынное место, которое пришлось ему по душе. Со слезами скорби уснул он и видит во сне на паперти лик Царицы Небесной Троицкой, Которая его благословляет. Вздрыгнул от страха и утром немедленно отправился в путь. Прибыл в Чернигов и сразу же к владыке Антонию и говорит: «Вот, Владыко святой, я приехал». «Хорошо, — ответил владыка Антоний, — будешь обучать мальчиков-семинаристов».

А когда Батюшка зашел в церковь, то узнал тот лик Царицы Небесной, что видел во сне и Которая его благословила.

В Троицком монастыре постригли его в мантию и дали имя Лаврентий, рукоположили в 1895 году в иеромонаха, а потом он стал игуменом. Были у него сверстники-певчие: о. Смарагд, Малахий, Михаил, Иннокентий, Ефрем и другие. Все они уважали Батюшку и слушались, и следовали его духовной благочестивой жизни.

Еще с юности он навыв Иисусовой молитве непрестанной и поучал других. Три раза он ездил на Афон и был в Иерусалиме на поклонении святым местам.

Наружность Батюшки была приятна, во всем облике светилась благодать. Лицо всегда было светлое и радостное, исполненное любви ко всем. Волосы у него рано поседел и были белы, как снег, глаза голубые. Роста был среднего. Ходил всегда с палочкой.

Рассказывала племянница Батюшкина (Ефросинья), что до 1933 года Батюшка раза два был в своем селе Карильском, где была у них своя церковь, в которой Батюшка служил.

Был какой-то праздник, и Батюшка приходил домой весь мокрый, переодеваясь, приговаривал:

«Вам трудно на земле работать, а нам трудно молиться за всех. Мы тоже добре потеем».

Батюшка никогда не забывал своих родственников: племяннице Ефросинье подарил золотой крестик, платок, а племяннику Петру — свою ручную швейную машинку. Когда у брата Варфоломея «забрали» корову, Батюшка дал денег на покупку новой.

Когда приезжал Батюшка в село, то своих внучек наставлял нравственности: чтобы «не гуляли с солдатами, замуж выходили венчаны и чтоб соблюдали постные дни».

Время шло. Удержать нельзя ничего... Всему так надо быть... Опытных певчих отправили на приходы, а кто сам ушел... Хор стал слабеть. Батюшка стал присматриваться к приходской молодежи; деревенских девочек привлекал к пению.

Применял свой духовный опыт, свою духовную прозорливость, в чем был еще с юности одарен.

И вот какая девочка более склонна к монашеству, он помолится за нее, пригласит, расположит, привьет любовь к пению, молитве. И стало так пополняться стадо «молодыми овцами». Давал им тайно подряники, четки, обучал пению, чтению, устраивал на работу. И был как чадолюбивый отец. Весть о добром и прозорливом Батюшке разносилась все шире и дальше.

По благословию владыки Пахомия собралось много певчих, из них многие потом стали талантливыми солистами хора.

Одна вспоминала, что была еще совсем малолетней и пришла со старшими и плачет перед Батюшкой, а Батюшка погладил по головке да и говорит: «Не плачь, будешь царской певчей». Она ничего не поняла и так и уехала. А предсказание сбылось, она действительно служила своим голосом Царю Небесному, была хорошей солисткой.

И это время прошло... Всем предложили уйти, и храмы закрыли «на ремонт» (1930). Батюшка переживал это «под горой» у одной благочестивой вдовы Елены. Там Батюшка занимал небольшую комнатку в старом домике и предавался посту и усиленной молитве как за своих многочисленных рассеянных чад, так и за весь мир. И эти тайные чада только ночью могли постучаться в окно Батюшки. Но он не всех принимал, а по своей прозорливости уже знал наперед, кто к нему должен прийти и что ему нужно.

И так ему дано было предвидеть, что, когда закрывали церковь, он говорил: «Храните книги, они нужны будут. Еще будут и монастыри, и архиереи, и все нужно будет».

Перед войной он предсказывал бедствия народа. Молился и плакал, что много крови прольется.

Когда началась война 1941 года, Батюшка своими усилиями собрал своих монашествующих чад и устроил женский Троицкий монастырь, где раньше был мужской, а потом и Домницкий монастырь. В Троицком было вначале человек 70 сестер, а в Домницком — человек 35.

Собрал певчих, разделил со временем на два хора. Сам был главным регентом, разучивал новые песнопения: очень духовные и малозвучные. Далеко за пределами Чернигова славился Батюшкин хор.

У Батюшки была сильная любовь ко всякому делу. Когда делали ремонт во всем корпусе, Батюшка везде участвовал: давал указания и печникам, и мастерам, когда делали перегородки, стелили пол, крыли крышу.

Когда мастера жаловались, что плохие доски, Батюшка отвечал: «Ладно, лет на 20 хватит, а потом что Бог даст».

Приходилось работать штукатуром и в холодное время года, когда замерзали материал и вода.

Однажды дело не ладилось, пригласили одного старика на помощь. Он говорит, что здесь сила нужна. А Батюшка подошел с любовью, перекрестил, и материал стал

мягкий, и дело пошло, как следует. Это все по молитвам великого старца Лаврентия.

Много пришлось потрудиться сестрам при отстройке храма большой церкви, а также и келий. Приходилось носить воду на большую гору из колодца, рубить топором глину, носить на плечах; одной лошадкой не справлялись. И. после больших и тяжелых трудов в 1942 году на Пасху впервые начали службу в Большом храме. И Батюшка перешел в монастырскую келию.

Сколько радости, сколько восторга!

Батюшка о. Лаврентий славился как исповедник. К нему стояла всегда толпа верующих, а к другим духовникам поменьше.

В хозяйственных делах монастыря Батюшка любил делать свои благодатные указания где что посадить, что посеять и строго следил за всем своим хозяйским глазом. Многих своих чад он своей прозорливостью предупреждал и от всяких неприятных случаев.

Когда в 1942 году приехал владыка Симон из Западной Украины, Батюшка сказал: «Эге, это наш!». И когда приехал владыка Иаков (1947), Батюшка тоже одобрил, сказал, что при этом владыке процветет духовная жизнь нашего города, что и сбылось.

Еще перед войной (1941) Батюшка прямо сказал: «За то, что все делается не по закону, да в праздники, то все стряется и сгорит. А потом откроются монастыри, и люди будут каяться и молиться, и Господь по своей милости даст немного времени, чтобы пополнить число отпавших ангелов». Батюшка любил часто это слезно повторять.

Батюшка имел свои испытания. Бывало, что по зависти сатанинской к нему грубо относились владыка Борис и матушка игуменья. Но он все кротко и терпеливо переносил и с любовью молился за обидчиков, и этим победил лукавого, а в глазах верующих и своих чад становился еще более духовным, великим и любимым.

Около старца в монастыре жили 12 сестер, а его обслуживали две. Трапеза у них была общая, там они и молились вместе. А когда Батюшка не ходил в церковь (по слабости здоровья), то все вычитывали в келий.

Он непрестанно занимался молитвой Иисусовой и обучал сестер. Указывал, как кому молиться по вдоху и выдоху. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий» — вдох, а «помилуй мя грешную» — выдох. А одной девушке (на ее просьбу, чтобы благословил четки) сказал: «Молитва — это хорошее дело, Ангельское, а ты по пальцам левой руки. Держи большим пальцем мизинец и читай десять молитв «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную», а потом переходи на безымянный и так по порядку. И вот будет у тебя навык к молитве. Ум нужно непрестанно вправлять в молитву, а то он ходит, где попало».

Хором управлял Батюшка искусно. Делал он две спевки в неделю. Хористки все были его ученицы, только два «баса» были «вольнорабочие» мужчины.

Он с Афона привез много вещей для пения: «Достойно есть» — очень умиленное, «Милость мира» и др.

В Чернигов приезжал Патриарх Алексий.

Весь хор ходил в кафедральный Спасо-Преображенский собор, и там под руководством Батюшки пели. Патриарх был в восторге от хора и говорил, что «подобное редко где услышишь».

Киевский митрополит Иоанн приглашал хор в Киев, куда и ездили, и тоже имели успех.

Во время войны хотели открыть и Елецкий мужской монастырь, но было мало братии. Батюшка торопился скорее занять Троицкий, говорил, что так указала Матерь Божия.

У Батюшки во дворе монастыря была устроена летняя беседка, где он проводил часы своего досуга, беседовал со своими чадами во время «вечернего чая», а также принимал жаждущих спасения.

Батюшка предсказал свою кончину, еще когда переходил в монастырь, за 8 лет. Сказал: «Ну, здесь кто проживет 8, а кто и больше». И когда Батюшка умер, то вспоминали эти слова. За полгода также сказал: «От этого дня я проживу ровно полгода», что тоже исполнилось. И еще сказал: «1950 год свое покажет, а в 1952 году увидите». И действительно, в 1950 году Батюшка умер, а в 1952 году Домницкий монастырь закрыли «на ремонт» и сестры перешли в Троицкий.

При Батюшке стали сестры излишне заниматься рукоделием, делать иконы. Он был недоволен и говорил: «Без Иисусовой молитвы и без церкви делают, монастыри пробудут не столько, сколько нужно», — что и сбылось.

Утром, когда зажигался в какой келии свет, Батюшка своим прозорливым умом видел, где молятся, а где занимаются житейской суетой. Однажды Батюшка шел в церковь и сказал сопровождавшей его монахини, чтобы заглянула в келию, которая находилась рядом с церковью, и посмотрела, чем занимаются ее насельницы. Они в это время занимались своими делами, а в церковь никто и не думал идти.

Батюшка очень возмутился и сказал: «Так монастырь долго не протянет», — что и сбылось. Батюшка говорил, что для монаха нужна молитва, как воздух, иначе он уподобляется «черной головешке», которая издает только смрад. Еще говорил: «Счастливы те, которые записаны в Книге Жизни». А на вопрос сестер, кто же записан в ней, ответил: «У кого влечение к церкви, тот записан».

У Батюшки был дар непрестанной Иисусовой молитвы. «Бывало, мою коридор, — вспоминала одна монахиня, — а он мимо проходил да и говорит: «Эге, работай, а чтоб была Иисусова молитва», или куда идешь, то он тоже напоминал про молитву».

По Батюшкиным молитвам и благословиению владыка Борис привез из Ленинграда мощи Черниговского святителя Феодосия. «Я, — сказал Батюшка, — буду молиться и встречать вас». Так и произошло. Мощи были в целости доставлены и с честью положены в кафедральном соборе. И было устроено большое торжество, Батюшка пел «Христос Воскресе».

Батюшка говорил: «Если нужно тебе уйти с Литургии, то уходи после «Отче наш». А если уже вышли с Причастием Тела и Крови, то стой со страхом и молись на месте, потому что здесь присутствует Сам Господь со Архангелами и Ангелами. И если можешь, то пролей хоть малую слезу о своем недостойнстве. А Ангел твой Хранитель будет рад за тебя. Если кто тебя спросит о чем-либо, ответь ему, но очень кратко. А сама стой, как свеча, в храме».

Батюшка всех любил, всех уважал, готов был каждому помочь. Это чувствовали все окружающие его. За ним; ходили толпами люди, чтобы что-то сказать, о чем-то спросить.

Он иногда устраивал обеды, ожидая простого народа, и сам служил им. Много

рассказывал интересного, ближе народ был к нему со своими нуждами и скорбями.

Батюшка говорил, что в последнее время кто призовет имя Божие — спасется. Особенно девственники восполнят число павших Ангелов.

Еще говорил, что Господь такой милостивый, что и истинных евреев, которые живут, по заповеди Моисея, в последние дни помилует и вселит их на третье небо.

Батюшка призывал всех своих чад к миру и любви. Он говорил: «Если которая сестра «горячая», вспыльчива характером и не может сдержаться в слове, то прежде чем подымать скандал, сними с себя пояс, подрясник, положи четки и тогда уже начинай доказывать свою правоту. Если так будете поступать, никогда не будете ругаться».

«Если кто в течение дня не сдержал себя в мире и любви к ближнему и поссорился с кем-либо и имеет на кого неприятное чувство, до заката солнца должен обязательно примириться, то есть попросить прощение».

Батюшка имел дар прозорливости. Однажды (во время послевоенной разрухи, 1945 г.) владыка Борис не был дома. Вдруг Батюшка благословляет немедленно готовиться к встрече Владыки. Сестры говорят, что мосты разрушены, он скоро приехать не может. А Батюшка на своем настаивал. И верно, случайно на какой-то дрезине Владыка в тот день приехал. Все удивились прозорливости старца.

Батюшка предсказал матушке Афанасии (регентше) быть регентом. Один раз за обедом надел ей большой крест и сказал: «Вот будешь регент». Ее потом и крестом наградили.

Еще при жизни Батюшки заболела матушка Афанасия. Ноги болели. Пришел Батюшка проведать да и говорит: «Будем еще жить?» Она ответила: «Да как вы, Батюшка». А Батюшка ответил:

«Ну еще поживем». И она стала поправляться.

Рассказывала одна монахиня Е. Однажды во время войны многие сестры стояли около бани у окна и смотрели вниз на луг. А Батюшка шел мимо да как закричит: «Убегайте, а то сейчас снаряд прилетит». Так и было. Только отскочили, и сразу же ударил снаряд.

Приезжал митрополит Иоанн в гости к Батюшке. Побеседовали, попили чайку, и митрополит собирается ехать домой и спрашивает благословения у Батюшки. А Батюшка предлагает ему завтра уехать. А митрополит настаивает на своем. И уезжает. Прошло немного времени, а Батюшка говорит, чтобы шли встречать митрополита. Ему говорят: «Батюшка, митрополит уехал давно домой». А он: «Я говорю, идите, открывайте ворота». Они вышли, а митрополит смущенно стоит под воротами, говорит: «Дорогу размыло, и нет проезда до завтра». Митрополит удивился прозорливости Батюшки.

Ремонтировали церковь, нужен был материал, а его негде было достать. Батюшка говорит экономке: «Беги на базар скорее». Она побежала, смотрит по сторонам молча. Вдруг подходит из села председатель. Спросил, чего стоит, она объяснила печаль свою. Он предложил садиться в машину, и они приехали на вокзал, нагрузили извести полную машину. Она заплатила и привезла в монастырь. Батюшка вышел, поблагодарил его, и все прославили Бога. Поблагодарили и Батюшку за святые молитвы.

Во время войны, при оккупации, на монастырской земле была посеяна рожь. Землю

забрали и поделили на участки, и вот не дают жать. Пошли жаловаться в контору, там и слушать не хотели, выгнали со стыдом. Экономка пришла домой со слезами и пошла поделиться своей бедой к Батюшке. Батюшка на утро благословил идти опять туда же. Сестра, уповая на молитвы Батюшки, пошла опять к тем же начальникам. Только Батюшка приказал дорогой ни с кем не разговаривать. Она шла молча, зашла в контору, обратилась, а они все такие обходительные, сговорчивые и дали разрешение жать рожь. Она пришла домой довольная и Батюшке рассказывает, как они переменились. А Батюшка улыбнулся да и говорит: «Э, вот когда человек злой, то в нем бес, а когда помолишься, то он отскочит и человек становится добрым».

В монастыре была лошадь для нужд. Нужно было сено. Начальник горсовета отказал дать разрешение на сено, прогнал ни с чем. Пришла матушка Е. к Батюшке с жалобой. Он выслушал, ничего не сказал. Прошло два дня. Батюшка сидел в беседке, подзывает к себе матушку Е. и посылает опять идти насчет сена, молвив: «Не тот, так другой, а даст сено». Когда пошла и обратилась, то начальник был другой, а того вчера сняли, и дал разрешение на сено.

Посеяли ячмень, и когда он начал созревать, воробьи все поедали. Пожаловались Батюшке, что делать? А Батюшка и говорит: «Отныне воробьи не будут причинять беды. Они прилетят, поцвиринчат, а садиться не будут. У них ножки помлеют, они и улетят прочь».

Назавтра сами убедились в чуде. Вышли и наблюдали, что воробьи тьмой налетят, поцвиринчат и улетают обратно. Все прославляли Господа и благодарили Батюшку за молитвы.

Батюшка имел также дар исцеления. Одна матушка рассказывала, что она была далеко в Сибири и когда вернулась, то плохо стало с головой. Поместили ее в «дурдом», а сами обратились к Батюшке за помощью. Он помолился, и ей постепенно стало лучше, а потом и совсем выздоровела, и живет, сейчас ей 80 лет.

У ее сестры Ф. заболело колено, и такая острая боль, что нельзя было ступить. Обратились к Батюшке, он перекрестил больное место, и боль прошла.

По благословиению владыки Пахомия Батюшка много постригал в мантию, например, своих односельчанок Ардалеону, Евгению, которые жили в Гамалеевском монастыре (Глуховского уезда). О м. Евгении Батюшка говорил, что она от чрева матери предназначена для духовной жизни.

Рассказывает далее м. М. «Когда умирал отец, я попросила его, чтобы он, по молитвам о. Лаврентия, приснился мне, и он пообещал.

Один раз приснился: «Благодарю за булочки. Лучше ничего не надо, они помогают мне. Я знаю, что ты в долгах, но без «булочек» я погибну», — сказал мне покойный отец во сне.

Я пошла и рассказала Батюшке. Батюшка сказал, что это не булочки, а просфоры, которые подаются на проскомидию. Ими смываются грехи человека.

После сорока дней приснился опять. Я спрашиваю: «Ты мертв?» Он отвечает: «Я и мертв, и живой». Я спрашиваю: «Где твое место? Куда ты определен?» Он отвечает: «Я еще никуда не определен».

Пошла к Батюшке, рассказала сон, а он и говорит, что отец еще не прошел мытарства. Бывает, проходят за три дня, 20 дней, 40 дней, год, два и сорок лет, смотря какие

грехи. Где на каком мытарстве задержат, то много надо подавать милостыни и просфор на проскомию. А сорок лет проходят мытарства те, за которых некому молиться и кто имеет за собой большие грехи».

Одна Домницкая монахиня рассказывала:

«Когда жила я в мире, была супружная, имела мужа и дочь. Брак был законный (венчаны). Но супруг был самый скверный мужчина: выпивал, дрался, горя набралась с ним. И вот однажды приехала в Чернигов и зашла к Батюшке. Рассказываю про свое горе и вся обливаюсь слезами, что никто не может помочь, потому что брак законный и нужно терпеть. Это я знаю хорошо, но уже не хватает терпения. А Батюшка посмотрел на меня с сожалением да и говорит: «Бросай да и убегай в монастырь. Лучше пусть один погибнет, а две спасетесь. Нежели вы все трое погибнете». Я так и сделала».

И она была примерной келейницей у матушки игуменьи Домницкой, а потом кухаркой у митрополита Гурия, а перед смертью приняла «схиму». А дочь умерла девицей верующей. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Одна сестра рассказывала, что читала правило Батюшке и задремала, а потом взглянула испуганно на Батюшку, а у него глаза как огненные. Он молился.

Одна сестра просила у Батюшки поговеть (не было церкви). А Батюшка говорит: «Тогда я позову». «Вот живу я и живу, вдруг на Вербной неделе в субботу мне так захотелось к Батюшке, я оставляю все и иду, да уже и запоздала. А Батюшка молился, читал утреню, потом правило, а правило — ко причащению. Батюшка сказал: «Немного подождем». В это время я постучалась в окно. Все так и ахнули. «Ах, вот кого Батюшка ожидал!» — произнесли молящиеся. И я прославила Бога и сего великого праведника».

Однажды, побывав в Черниговском Троицком монастыре и насладившись беседой с Батюшкой, матушка игуменья Киевская Флавия возвратилась в свой монастырь Киевский Флоровский да с восхищением и рассказала своим сестрам о великом старце Лаврентии. А казначая, м. Антония, уязвившись завистью от врага, пробормотала себе под нос: «Нашли какого-то деда да и восхищаются! Что он знает?» Матушка игуменья заметила ее недовольство да и говорит: «Вот свезу вас к нему, да хоть исповедаетесь хорошенько». И свое слово исполнила. Привезла несколько сестер, в том числе и казначею м. Антонию.

Вот сели за стол вместе с Батюшкой. Матушка игуменья и говорит: «Батюшка, расскажите нам что-нибудь». А Батюшка: «А что там этот дед знает?» Матушка казначая сразу поняла, что Батюшка обличил ее помыслы. И потом просила прощения, и уже с любовью относилась к прозорливому старику.

Однажды пришла женщина за благословением к Батюшке, чтобы поехать к сыну. Батюшка приказал посадить ее за стол обедать. Женщина ест из-за стола, потому что опаздывает. А Батюшка говорит, что торопиться не нужно. Пусть даже не поедет. И она не поехала в тот день. А ютом узнали, что было крушение поезда. И все прославили Господа и верного Его раба Лаврентия. А Батюшка только сказал: «То Ангел-хранитель известил».

М. Ф. рассказывала, что когда-то о. Н. привез в Троицкий монастырь целый воз девочек: «И я там была самая меньшая. Батюшка всех благословил, а меня — как не видит. Как ни старалась я обратить на себя внимание, все равно Батюшка как не замечает. Я стала плакать, а Батюшка протянул руку, погладил по голове да и говорит:

«Не плачь, ты же тут жить будешь. А что тебе мама Оказала?» А мама страшно не соглашалась, говорила: «И не думай». А Батюшка прозрел будущее». Она потом была в монастыре певчей, даже регентшей первого клироса.

Любил Батюшка коровку, давал ей хлебец из руки, любил котика, кормил его лакомым кусочком, а когда умер Батюшка, то котик не отходил

от гроба, а когда похоронили в усыпальнице, то ходил под окошко и там днями лежал, и с тоски скоро пропал.

Любил Батюшка кормить птичек. Зернышек вынесет, налетит стая воробьев и хватают, дерутся. Батюшка прикажет им разлететься и прилетать по два-три, они так и делали. А когда выносили гроб с телом Батюшки из келий, то такое умильное зрелище было. Все птички стайкой летали над гробом и жалобно чирикали, провожая в последний путь своего кормильца.

Рассказывала одна боголюбивая сестра М.:

«Однажды я пришла к Батюшке, чтобы помянуть своего отца в 40 дней. Сестры охотно пропустили в келию Батюшки, так как у него никого не было. Я по своей неопытности без молитвы приоткрыла дверь келий. А Батюшка слезно молился, и лицо его сияло неземной благодатью. Я очень испугалась и поняла, что не вовремя пришла, и хотела закрыть дверь и убежать. Батюшка подозвал к себе и спросил: «Ты поминать отца пришла? Ах, эти «батьки»! Попробуй теперь их отмолить, мне, да и тебе еще хватит». Благословил меня, и я поспешно ушла, поняв, что еще отец не на своем месте».

Однажды привели к Батюшке девочку очень быструю и поведением своим не совсем отличную («драчунку»). Все подошли к Батюшке, а она стояла в стороне и только исподлобья посматривала на него. Батюшка посмотрел на нее с любовью, ее подвели к старцу. Батюшка обнял ее, прижал ее головку к своей старческой, полной любовью к людям груди, дал ей просфору и сказал: «Походишь, походишь да будешь наша». Что и сбылось. Она потом вступила в монастырь и была примерной инокиней, очень способной на все дела, а особенно искусна в иконной живописи. Так вот Батюшка прозрел будущее этой инокини А.

Во время войны, при оккупации, в монастыре нечего было есть, и Батюшка благословил поехать в село, чтобы раздобыть кое-что. По дороге было страшно ехать, потому что все забирали. А мы везли целую подводку продуктов. Сильно боялись, но довели все благополучно. Когда привезли, то рассказали Батюшке о своем страхе во время пути. А Батюшка и говорит: «Раз я благословил и помолился, то бояться нечего». Такие сильные были молитвы этого старца.

Пришла одна девушка из села О., молодая, интересная, взять благословения выйти замуж. Поисповедалась у Батюшки и рассказала ему о своем намерении. А Батюшка спросил, не больна ли она. Она ответила, что сейчас уже все нормально, а раньше немного болела. А Батюшка и говорит, что сейчас нужно подождать, и парень согласился ждать. Она приезжала к Батюшке. Прошел год, приехал парень жениться, а девушка лежала при смерти. В скором времени умерла. Вот такая прозорливость отца Лаврентия.

Одной матушки сестра пришла к Батюшке да и жалится на мужа, что такой негодяй, иконы бьет и ее выгоняет. Батюшка сказал, чтобы его немедля привести к нему в монастырь. Долго думала она, как это сделать, а потом обманом привела к Батюшке. Еле втащила в келию, а Батюшка к нему, посадил за стол, угостил, посидел с ним до вечера, и он переменялся полностью. Уехал довольный домой. К Батюшке часто

приезжал, и иконы почитал, и жену любил. Вот так святыми молитвами Батюшка обращал заблудших.

И. м. рассказывала о себе:

«Божьими судьбами попали мы в Чернигов. Я стала верующей, привыкла ходить в церковь Троицы. Однажды знакомая девочка повела меня впервые к Батюшке о. Лаврентию. О жизни его я уже кое-что слышала. Как зашла к нему, он ласково принял меня, посадил возле себя. Я как-то села нечаянно ему на подрясник да и стараюсь поправиться. А он это заметил да и говорит: «Он же тебе не мешает?» И я успокоилась.

«Вот с нынешнего дня начинаются цветы, а потом будут ягодки», — сказал Батюшка мне. Я сижу и думаю: «Вот опять будет горе». А он прозрел мои мысли да и говорит: «Не горе теперь. Вот мы будем знакомы. Ты будешь меня знать». А потом встал, помолился Матери Божией и произнес: «Матерь Божия, сохрани сию рабу и возьми ее под свой Покров». Потом благословил и прижал мою голову к своей старческой груди, исполненной уже при жизни благодати Духа Святого. И на прощанье сказал: «Ходи в церковь и ко мне заходи». Девочку, которая сопровождала меня, тоже благословил, и мы торопливо ушли. И вот когда я вышла, то, казалось, все во мне перевернулось. Мне было радостно, приятно... Мне хотелось всех людей сделать такими же счастливыми, как я сейчас.

Потом я стала размышлять: мне же жить нужно иначе. Ведь Батюшка по своей доброте ничего у меня не спросил ни про молитву, ни про пост. Но мне самой нужно понимать, что нужно свою жизнь в корне изменить. И когда я пришла домой, то маме заявила, что буду соблюдать посты, в чем со стороны матери возражений не было...»

Та же: «Был пост 1943 г. Мне сильно хотелось исповедаться у Батюшки о. Лаврентия. Исповедь была в келий вечером. Народа было очень много—и монашествующих, и мирян. Я стояла в длинном хвосте, в самом конце. Стояла, сокрушалась, не жалея горячих слез, все перемыслила, во всем желала исправиться, сделаться лучшей.

И вот время истекло, Батюшка закончил исповедь, и казалось, что все исповедались, а только я одна осталась...

Мной овладел дух уныния. Я была в большом недоумении и скорби. Помолившись, я легла в постель. И вот когда уснула, то вижу сон:

Пришла я в церковь и вижу, что Батюшка исповедует. Но на дороге стоит матушка-схимница, высокая, строгая, и спрашивает меня, что мне нужно? Я ответила ей, что хочу исповедаться у Батюшки о. Лаврентия. Она ответила: «Исповедоваться все равно у кого, лишь бы чистосердечно. Но если ты сильно желаешь у Батюшки, то я пропущу только тебя одну. Но ты должна поправить лампадку около свят. Николая». Я исполнила, и она пропустила меня к Батюшке. Я подошла к нему. Он исповедовал сидя. Я нагнулась над Евангелием и вижу хартию в виде грифельной доски, которая вся была записана моими грехами. Я стала рассказывать свои грехи, и когда грех говорила, он сразу же исчезал. И к концу исповеди все записанное исчезло. Мне стало легко и радостно. И я хотела поискать маму, чтобы и она исповедалась, чтобы и ей так же было хорошо, но Батюшка сказал: «Нет, ты последняя». И я проснулась...»

Утром рано я ушла в церковь с радостным чувством, будто совесть моя очищена от всего скверного. Опять пробираюсь к Батюшке и стою в числе последних. И когда подошла, то говорю, что хочу исповедаться, я еще первый раз. Он говорит: «Как первый? Я же тебя исповедовал хорошо за твою скорбь». Я ему открываю свои грехи,

а он и слушать не хочет, а говорит, что разрешил от грехов и простил все. «Сложи только на разрешительную молитву руки». И еще сказал: «Лучше ты старайся, чтоб замуж не выходить, да иди скорее причащайся».

Тогда я поняла, что Господь по Своему милосердию принял мою искреннюю исповедь во сне через верного своего служителя Батюшку отца Лаврентия. И я от всей души поблагодарила Господа за Его милость ко всякому кающемуся грешнику.

Я потом спрашивала Батюшку о сне, так он сказал, что так бывает, если человек чистосердечно кается».

Та же: «Мне хотелось узнать день своего Ангела. Вот пришла однажды к Батюшке, а он и спрашивает:

— Сколько тебе лет? Когда ты именинница?

— А вот и горе мое, что я не знаю, — ответила я с болью в душе.

— А ты спроси маму.

— А мама говорит, что не знает. Знает только, что летом, — сказала я.

— А тогда установим сами. Ты — Мария Магдалина.

Тогда я упала в ноги Батюшке и воскликнула:

— Кто вы?

— Я Лаврентий, — ответил Батюшка.

— Батюшка, ваши слова золотыми буквами на небе записаны, — воскликнула я в избытке радости. И была так рада, так довольна, что забыла, зачем приходила к Батюшке.

В скором времени приблизился мой День Ангела. Я пошла исповедаться к Батюшке. В день моего Ангела Батюшка спросил: «Это инокия пришла?» А я говорю, что нет, я грешная мирянка. А Батюшка: «А ты говори: "помолитесь за меня, чтобы была инокиней"». Исповедовал меня, прочитал разрешительную молитву, как над инокиней. Я со страхом и трепетом ушла от него в надежде, что слова его не проходят даром».

Та же:

«Я часто спрашивала у Батюшки за своего отца, что давно не причащался. А только говорит, что «кается». А в том году, когда умер, встает отец утром и говорит: «Мне нужно причаститься. За меня кто-то помолится». Рассказал сон: «Будто я лежу в могиле, и на мне земля. И пришел какой-то батюшка и стал меня откапывать и говорит: «Вставай, Иван!» И я встал и иду...»

Из воспоминаний И. М.

«В войну мы жили в коридоре полуразрушенного дома, но и оттуда нас прогнали, потому что стали ремонтировать дом. Мы остались совсем без крова, под открытым небом. Пошла я за помощью к Батюшке. Со слезами рассказала ему наше семейное горе, что некуда деваться «бедному Ивану». Батюшка выслушал внимательно да и говорит: «Ну, что с вами делать? У вас же и денег ни копейки? Да вот переходите да стройтесь под горой, где пещеры». И показал рукой, словно здесь рядом. «Пусть отец хотя с дикта собьет «хибарочку», а ты поезжай в Прилуки да привези хоть макухи» (а

там работала моя двоюродная сестра).

Я так и сделала. Приехала обратно на третий день, а семейство уже переехало, поставили временный домик. А капитально строиться не с чего было. Пожаловались Батюшке. Он говорит, чтобы я спросила на работе, кто бы вместо дров выписал крупные отходы (чурбанчики). Я многих спрашивала, никто не может. Батюшка говорит, еще спроси. Я спросила, и одна мне пообещала, и я привезла материал, хоть скудный.

Начали домик взакидку, потом поштукатурили, сделали печку, кое-как потолочек почти глиняный, а сверху толем покрыли, а крышу уже потом. Так по благословению старца о. Лаврентия я и поныне проживаю с мамой в том же домике. И уютно мне, и тепло, и молитвенно, даже просторно».

Рассказывала м. П.

«Заболели зубы у меня так сильно, что нельзя было терпеть. Уже несколько дней боль не унималась ни днем, ни ночью. Я такая была недоверчивая по своей природе. Не верила ни себе, ни людям. Думаю себе: «Разве он врач? Кто там мне поможет?» Но меня заставили сходить. Я согласилась. Но приказали чтобы молчала, ни слова не говорила.

Захожу после молитвы в келию. Там оживленная беседа шла. При моем появлении все замолчали. Я поклонилась, села молча в углу келий и руками обеими держала зубы. Голову опустила и не помню, как задремала, потому что выбилась из сил без сна от боли. Батюшка помолчал, а потом говорит: «Спросите, болят зубы?» Меня толкнули. Я очнулась и от радости оскалила зубы. Спрашивают сестры: «Ну как зубы?» А Батюшка говорит: «Да не болят, потому что показала зубы». А потом укоризненно сказал, что раб Божий тот, кто Господу служит. И чем усерднее он служит, тем Господь его и больше слушает. Вот и этот «недоверок» пришел за помощью. Но это я ей на память. Я упала в ноги и просила прощения за свое малодушие и безверие».

У одной матушки «ущемилась» грыжа. Прибежали к Батюшке просить о помощи, то есть святых молитв. Он вылез из-за стола, вышел во двор и смотрит на грушу, что росла тут рядом, а дочь стоит да плачет. Он посылает ее узнать, не легче ли больной. Она побежала, а грыжа стала на место, и больная успокоилась. Все прославили Бога и слезно благодарили Батюшку.

На капусту напала гусеница, совсем доедает капусту. Никакие меры не помогали, и золой обсыпали, и пр. Пошли к Батюшке за помощью. Батюшка помолился, и вся гусеница вползла во вблизи находящееся озеро. Утром все увидели это чудо.

Рассказывала матушка благочинная м. В.

«Началась война 1941 года. Фронт приближался. Нужно было немедленно выезжать в село Синявку из Чернигова. Договорились, что при получении известия приедут с лошадьми и заберут Батюшку и тех, кто с ним жил. Мне поручили, чтобы доставила лошадей. Я спрашиваю у Батюшки благословения известить брата, чтоб приехал и всех забрал, а он говорит, чтобы не торопилась. «Пусть, когда будет "трах-тарарах"». Все горит, все гудит. Батюшка спокойно отвечает: «От еще сядем да пообедаем, а тогда и поедем». Я думаю, чем же поедем, нечем ехать. Мы не извещаем, и никто не приедет. Вдруг стук в окно. Это приехал с подводой о. Н. за всеми нами. И мы пообедали, собрались и выехали. Но ехать было невозможно, немного проехали, а тут как шарахнет. Столбы горят. Батюшка говорит: «Немного подождем». А потом линия фронта прошла, а мы за ней. Возница усомнился, что может вернуться, а Батюшка

говорит: «Погоняй», и еле в три часа ночи приехали в село за 60 км от Чернигова».

Один мужчина приехал к Батюшке за благословением ехать в какой-то город. Батюшка задержал его разговором. И тот был недоволен, что опоздал. А потом узнали, что его поезд упал под откос. И он пришел и благодарил Батюшку, который спас его от смерти.

Одна женщина была в тяжелом положении. Ошибочно попала под суд. Ей грозило тюремное заключение. Подошла к о. Лаврентию, который помолился и сказал: «Иди и молчи. Если не помолиться Матери Божией и угодника Николая не попросить, то можно и не вернуться».

Когда пришла туда, ее спросили, сколько детей. Их было пятеро, о чем она и сказала со слезами. Их сердце так смягчилось, что начальник сказал: «Выведите ее отсюда, чтоб она больше не попадала». И так она осталась невредимой по молитвам старца Лаврентия.

«Когда-то в молодости, — рассказывала одна м. Р., — я была богатой красивой девушкой и пошла к Батюшке за благословением выйти замуж.

Батюшка выслушал да и говорит: «Кони выдохнут, сады высохнут, а монастырь пребывает вовек. Пока не выходи».

В скором времени началась война, и все опрокинулось вверх дном. Жениха забрали на войну, а я пожелала идти в монастырь».

И сбылось Батюшкино предсказание. Жила она в монастыре и была хорошей певчей-мона-хиней.

Рассказывала одна м. С.

«Попала «на переселение». А Батюшка перед этим провел беседу и предсказывал случаи: «Когда будут нападать, то кричи и меня умственно призывай. Скажи: «Батюшка, помоги». И я всегда помогу».

Однажды в лагере убирала в комнате, куда зашел мужчина и начал заводить нечистую беседу и применять насилие, а я призвала на помощь Батюшку да как закричу, а его перекрестила. Он так и остался стоять на месте, испугался и спросил: «Что ты со мной сделала?» Так меня Господь и спас по молитвам великого старца.

А перед отъездом я дружески спросила этого мужчину, много ли жертв. Он сказал: «Все, кроме тебя», а было человек 50 женщин».

Рассказывала та же.

«Работала я на хлебозаводе (возила хлеб). И там работал экспедитор, который был ко мне неравнодушен. Я была не хуже других наружностью, отчего много терпела. Я пошла к Батюшке, упала в ноги и говорю: «Помогите, погибну». Он говорит: «Что-то придумаем». Я пошла на работу, а экспедитора через два дня сняли. И я поблагодарила своего избавителя.

При исповеди со страстями Батюшка говорил, что враг завидует последним девственникам, потому что они восполняют отпавшее число Ангелов».

Батюшка никогда не оставался на венчание. А однажды остался, молился и сказал, что эта пара была настоящих девственников. Видел, как Дух Святой переходил от одного к

другому.

Одна монахиня рассказывала, что, когда она была еще инокиней в монастыре, у нее обнаружен был зуб, очень тяжелый, внутренний. Врач сказал: «Ничего нельзя сделать, и более трех лет не проживешь». «Я расстроилась, плакала и обратилась к Батюшке со своим горем. «Не скорби, по-ихнему не будет», — сказал старец и положил свою благословляющую руку мне на горло (на зуб) и произнес молитву, слова которой я уже забыла. И сказал: «Сколько времени нарастал, столько времени будет и уменьшаться». И еще по Батюшкиным молитвам я увидела во сне святителя Феодосия, который тоже благословил меня и произнес такие же слова, какие произнес Батюшка, и помазал горло маслом.

И действительно, зуб начал уменьшаться постепенно, и за три года совсем исчез, и я стала здоровой и прославилась свят. Феодосия, и поблагодарила нашего великого старца о. Лаврентия за его благодатную помощь. Сейчас мне 62 года, и я пою в хоре».

Рассказ м. Е.

«Был случай в монастыре. Нечаянно я упала с чердака и травмировала себе ногу. Вся чашечка в колене была раздроблена. Врач сказал, что нога сгибаться не будет. Буду ходить только на костылях. По молитвам Батюшки достали «дорогой мази». Батюшка помолился, и нога стала заживать. А что будет сгибаться, никто не надеялся. Батюшка успокаивал: «Будешь бегать». И действительно — чудо. Нога поправилась совершенно, стала нормальная — только по святым молитвам великого нашего старца о. Лаврентия».

Одна девушка часто бывала у Батюшки, потом заболела на голову. Родные пришли к старцу за благословением, чтобы положить в больницу (психиатрию). Батюшка сказал, пусть дня два побудет дома, а потом побачим (посмотрим). Она на второй день стала здоровой и больше не болела.

Рассказывала монахиня Е.

«Еще молодыми девушками ходили к Батюшке. Потом у меня появились нарывы, а подруга заболела глазами. Пришли к Батюшке и пожаловались о своей беде. Он послал нас сходить в село Седнев, помыться в источнике и прочесть акафист Матери Божией. Мы так и сделали. Через несколько дней стали здоровыми. Мы пришли и с радостью поблагодарили великого старца за его святые молитвы».

Рассказ той же.

«Прошло некоторое время, мы стали взрослыми девушками и стали ходить гулять. Но не забывали Батюшку. Батюшка прозрел, что мы занимаемся не тем, чем нужно, и послал о. Михаила сходить в наше село и посмотреть, как мы живем, чем занимаемся. На прощанье о. Михаил сказал, чтобы мы гулять не ходили, а приходили петь в хор. Нам было и неудобно, но гулять тянуло. Мне было тяжело на душе. Ночью в постели я долго плакала и молилась Матери Божией, чтоб послала мне болезнь «чахотку». Потом пошла к Батюшке и тоже так сказала. Он мне ничего не ответил, но только в скором времени я заболела. Стала идти кровь горлом. Я пришла к старцу за благословением лечь в больницу. Он не благословил, а только посоветовал обратиться к верующему доктору. И он мне помог. Мне стало лучше. И я в корне изменила образ жизни. Господь сподобил меня пожить в монастыре, принять Великий Ангельский образ. Сейчас мне 84 года, и я еще потихоньку живу. Все это по молитвам великого нашего старца о. Лаврентия. А моя подруга вышла замуж».

Рассказывала монахиня А.

«Когда мне было 10 лет, старшая сестра, которая дома пела (в селе), привела меня к Батюшке. Было воскресенье, и все ушли в церковь. Сестра оставила меня внизу, а сама пошла на «хоры». Батюшка велел ей привести и меня на «хоры» и сказал: «Она будет петь и управлять хором». Уже прошло 50 лет с тех пор, и все сбылось. Я не только пою, но в селе управляю хором и знаю устав. Все это по молитвам Батюшки о. Лаврентия.

Однажды была беседа с Батюшкой. Он предсказывал: «Будет вас повсюду и по городам и по селам, но меня уже не будет». И это исполнилось. Мы рассеялись и по городам и по селам. Еще говорил: «Будут из вас некоторые петь и в Москве артистами (было и это), поэтому учите хорошо ноты. Они будут петь по знанию, а вы с благодатью. И вас будут любить». И строго наказывал, чтобы учили ноты. И мы старались. По молитвам Батюшки все сбылось. И нас всюду любят...»

Рассказ монахини той же.

«Однажды на правиле читали Евангелие. Батюшка сказал, что мне крест придется нести тяжелый за мое невнимание. Но я и не думала, что мне придется попасть «на переселение» (в ссылку). Батюшка не смог предотвратить его от меня. Он мне говорил, чтобы я уезжала домой. А мне не хотелось, и я не послушалась, за что жестоко поплатилась. Потом меня вызвали и спросили «кое о чем». К Батюшке добиться нельзя было, а потом, когда пришла, то он прижал меня к своей груди и со вздохом сказал, что я попала на учет, меня возьмут «на переселение». И еще раз повторил, что нужно было немедленно уезжать домой. Нужно слушать старца, если не понимаешь, то нужно переспросить. А теперь уже поздно. И дал мне свое наставление: «Ты слабая, но по своей натуре очень добрая. Смотри, если кто «подвернется», то сама не соглашайся, хотя будет и много обещать... А если не по своему желанию, то Бог будет судить иначе. Конечно, тебе видно не миновать». Он меня благословил, заплакал и укоризненно произнес: «Как плохо, что не слушаете меня...»

Дня через три меня отправили «на переселение». Там мне было очень тяжело. Я была вдали от своих. Меня некому было поддержать. К работе я относилась добросовестно. Во всем была аккуратна. И вот не избежала я взора «завистника». Навязался мужчина... Предлагал замуж, обещал вывезти оттуда. Но я всегда помнила Батюшкины слова: и ни на какие «делки» не соглашайся. А потом сложились обстоятельства, что не по своей воле грех был совершен... Родился сын. Работала я до срока (8 лет).

Я все вспоминала прошлое и хранила глубоко в своем сердце, со слезами воспитывая своего малютку. Горькими слезами обливалась, вспоминая утешительные Батюшкины слова: «будешь монахиней». Думаю: куда мне там до монахини, когда инокиней таких дел натворила.

Время истекло. Отбыла я свой срок и вернулась со стыдом на родину. У нас открылся монастырь. И я дерзнула переступить порог своего старца.

Первые слова его были: «Вот и хорошо, что без твоего согласия. Случай не хороший, но без твоей воли».

Батюшка немного побранил, а потом предложил мальчика отвезти домой к отцу, а самой вступить в монастырь.

Я упала в ноги старца и обливала их горькими слезами раскаяния и слезами радости. Батюшка тоже плакал и говорил: «Ты мое чадо, я хочу, чтобы Господь простил твой

грех». И все сестры плакали и восклицали: «Прости ей, Господи, по Своей великой милости!»

Я сразу же отвезла ребенка, а сама стала жить в монастыре. Батюшка сказал: «Будешь жить у меня». И я жила, работала, каялась.

Со временем старец сказал, чтоб надеть монастырскую одежду, чтобы я подошла к Владыке и, упав ему в ноги, объяснила ему о своем грехе, случившемся «в неволе». И по молитвам старца Владыка благословил мне подрясник и четки, и рясофор.

Прошло немного времени и стали постригать в мантию. Набрали одну партию. А когда набиралась другая, то Батюшка сказал, чтобы и меня постригли. До этого я была на послушании у Владыки, где очень много и добросовестно трудилась. И когда Батюшка спросил Владыку, то он согласился, то есть уже знал меня и судил меня по работе.

И когда нас исповедовали, то все сестры оказали большую любовь. Все рыдали о моем падении. И тогда я вспомнила и поверила Батюшкиному предсказанию, которое было сказано за много лет перед этим. Помяни его, Господи, в Царствии Твоем за его святые молитвы».

Плохой муж был у одной женщины: бил, изменял и бил ее. На ее жалобы Батюшка увещал ее, чтобы потерпела и не уходила от него. В скором времени его взяли «на переселение» (в тюрьму). Со слезами пришла она к Батюшке, чтоб посетить мужа. У Батюшки было закрыто, ответили, что Батюшка принять не может. Долго она стояла и слезно молилась. Вдруг Батюшка говорит сестре: «Пойди и открой, там женщина плачет». Ее пустили, и Батюшка ее с радостью принял, дал ей просфору и сказал: «Поезжай к нему, тебе дадут свидание, и ты ему Расскажи, что все это за грехи наши».

И она побывала у него, как могла вразумила его. Батюшка ей предсказал, что он вернется и будет жить чисто, что и сбылось. Отбыв срок, он вернулся, сделался другим человеком, верующим. И сейчас они живут и благодарят Бога за святые Батюшкины молитвы.

Рассказывала сестра И.

«Однажды я получила от своих родственников посылку, раскрыли, а это оказалось для Батюшки о. Лаврентия — мука. Мы сильно голодали. Мама предложила взять горсть муки, чтоб сварить жидких «галушек». Голод превысил боязнь греха, и я согласилась.

Потом я понесла посылку Батюшке. Он поблагодарил и сказал: «Мука сдалека, но к царствию Небесному они близки». А я в душе волнуясь за тайный грех, что взяла горсть муки. Он засуетился, дал хлеба и говорит: «Я знаю, что вы бедные. Но не бойся, не будет греха. Я даю хлеб, чтоб он никогда не выбывал». И дал еще кусок туалетного мыла. А я как зарыдаю да говорю: «Батюшка, простите». «Да я давно простил. Теперь не будете голодать». И так по молитвам его святым да по милости Божией все дело наладилось и по сей день.

Я хотела выйти замуж и пошла к Батюшке за благословением. Батюшка сказал: «Самой лучше, а если выйти, то такие условия, вот я расскажу: в посты «не жить», среда, пятница — тоже, воскресные дни, праздники большие и малые. От Христова Воскресения до проводов Пятидесятницы «не жить». Рожать детей столько, сколько будет. Чистой ходить в церковь. Повиноваться мужу во всем, в страхе Божиим воспитывать детей. Если все это выполнишь, то выходи, я благословляю. А нет, то лучше живи одна». Я ответила: «Помолитесь, Батюшка, и благословите жить мне одной, с Богом». И так по его святым молитвам я и поныне живу и благодарю старца

за его назидание».

«Сильно мне хотелось побывать у о. Лаврентия, но никак не могла попасть к нему. Одна сестра взялась проводить меня. Я стала в углу и молчу. Страх напал на меня. Батюшка спросил: «Что ты хочешь?»

— Да я хочу спросить, как жить?

— А у тебя голова есть на плечах? — спросил опять Батюшка.

Потом отошел и что-то написал на бумаге и показал мне, и говорит: «Вот примерно бумага. А ты скажи: «Я не хочу замуж, а буду сама». А Ангел Хранитель записал уже».

И она действительно стала монахиней. Так рассказывала о себе м. И.

«Однажды попала я к Батюшке на исповедь. Рассказала грехи, а Батюшка не накрыл епитрахилью и не дал приложиться, ответил: «В другой раз». Я заплакала, отошла. А потом почувствовала свою «естественную нечистоту» и была поражена, что и Батюшка ее прозрел».

Рассказывала одна благочестивая женщина, что ее дочь хотела устроиться на работу на конфетную фабрику.

«Я послала ее за благословением к Батюшке, который сказал: «Там-то хорошо работать, но тебя отзовут»... А она не поняла, о чем сказал старец, и пошла. Но произошло изменение. Ее подготовили идти в лагерь военнопленных. Она пошла, со временем стала кладовщиком. Получилась неурядица. Сгнили бурты картошки. Получилась большая растрата. Дело дошло до Ревтрибунала, что угрожало смертью (расстрел). Дочь в отчаянии и говорит, что сама себе смерть сделает. Я с мольбой привела ее в церковь. Отслужили акафист Матери Божией «Елецкой». Да и Батюшку вспоминаю, а пойти боюсь, потому что ослушалась. Молюсь, прошу: «Прости, Матерь Божия, нашу неопытность». Стало легче. Пошла на работу, а там смертное наказание заменили уплатой на какую-то сумму и увольнением с работы.

И она тогда пошла на конфетную фабрику. Там было хорошо по молитвам Батюшки. С питанием было хорошо. И ее оттуда направили на бухгалтерские курсы, и пошла дочь опять к Батюшке за благословением. Он сказал: «Надо было сразу туда идти, по благословению. Ну, а по неопытности, то Господь дал вразумление».

Рассказ той же.

Когда я пришла первый раз исповедоваться к Батюшке, он назвал меня «инокиней». Я сказала, что «вдова» и «мирская». Но Батюшка при разрешительной молитве назвал вдовой и инокиней. Я смутилась, что мне делать. Меня подучили попросить у старца одежду и четки. Я так и сделала, но он возразил: «Нет, потом, потом и мантия будет. Читай Иисусову молитву».

Прошло много времени, и по молитвам Батюшки отца Лаврентия я получила Великий Ангельский образ. А я неграмотная и все выполняю Иисусовой молитвой.

Где-то достала я книгу на славянском языке, принесла ее к Батюшке да и говорю: «Я неграмотная. Дочка, хотя и грамотная, но таких книг она и не видела, то пусть эта книга будет вам». А Батюшка сказал, что будет читать дочь. Тут же прочитал тропарь Святой Троице: «Благословен еси Христе Боже наш» и вернул мне книгу со словами: «Будет еще читать и как!»

Я пришла домой, отдала ей книгу и рассказала, что сказал старец. И по святым его молитвам появилось такое желание у дочери к чтению церковных книг, что по милости Божией да по святым молитвам старца она читает сейчас в церкви.

Батюшка неоднократно повторял, что души идут в ад, как люди из церкви в праздник, а в рай — как люди в церковь в будний день.

Батюшка часто сидел и плакал, что жалко людей, которые погибают. «Сколько набито в пекле, как сельди в бочке», — говорил он.

Его сестры утешали, он отвечал сквозь слезы:

«Вы не видите, а если бы видели, то как жалко».

Рассказывала И. М.

Пошла к Батюшке, да и говорю, что ходит «босая» и у нее многие берут благословение. Когда я подошла, то она что-то про себя ворчала. И у меня душа не лежит к ней. А Батюшка сказал: «О ней в моей келии и говорить нельзя. Нужно быть осторожным. Идет такое время, что таких «праведников» будет полно. Их нужно избегать. Читай молитву Иисусову, да и «Богородичных» не забывай».

Однажды матушка экономка принесла саженцев яблонь (щепы) и просила у Батюшки благословения посадить для сада. Батюшка отказался, сказал: «Не нужно. Будет детям на поругание, нам их не придется кушать».

«Батюшка, так и храмов и корпусов не нужно ремонтировать», — говорит монахиня. «Нет, — возразил Батюшка, — то нужно. Мы дали обязательство, что все будет в порядке, поэтому ремонты производить нужно. А в келиях богатство не нужно. Дорогих киотов тоже не нужно. Много одежды не справляйте, а только две. Одна тебе, а другая чистая. Все чтоб было попроще, потому что все это ненадолго».

Что и сбылось: «Занимайтесь больше молитвой Иисусовой».

Однажды привела м. А. к Батюшке сельскую женщину и просит (по ее согласию) тайно одеть подрясник. «Она такая верующая и молиться любит», — утверждала сестра.

— А у нее муж есть! — сказал Батюшка.

— Да он далеко, осужден на 10 лет, — отвечала монахиня.

— Ну так что же, придет, будет жить с ней. Не нужно никакой одежды, пусть так молится, — ответил Батюшка и не стал больше слушать.

Не удовлетворившись таким ответом, сестра А. повела свою «духовную» к другому батюшке. Рассказал ему все: что и как. И тот будто дал ей благословение.

Прошло некоторое время, вернулся муж той женщины. И она согласилась жить с ним. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Рассказывала монахиня П. «Когда мне было лет 15, жила я в Каменском монастыре. Там было много девиц из нашего села и соседних сел.

И вот одна, послушница И., которая уже прожила там некоторое время, впала в сильное уныние и хотела бросать монастырь. Она сильно томилась душой, ее тянуло в мир, к родным. Пошла она с жалобой к старцу Максиму, который там проживал и был

друг Грица «Золотюсенького» (Христа ради юродивого). Он ей сказал: «Никто тебе не поможет, кроме Черниговского Губернатора (так он называл о. Лаврентия)».

Но эта послушница не хотела ехать к нему, чтобы обратиться за помощью. Ее насильно сестры привезли к Батюшке. И здесь все еще она упрямовалась, потушив глаза вниз.

Батюшка сам вышел навстречу, ласково приветствовал со словами: «Вот кто пришел! А я тебя давно жду. Вот так девочки! Кто бы мне 100 рублей давал, я бы не взял. А сказал бы: "Мне лучше эти девочки"». И такая улыбка засияла на его лице, что все уныние нашей послушницы куда и девалось. Поисповедовал ее, прижал к своей благодатной старческой груди, у нее полились слезы раскаяния и радостного благодатного умиления.

Так вовремя была спасена душа от «завистника врага». Потом она жила в Черниговском женском монастыре, была клирошанкой и хорошей чтицей».

Рассказывала одна тайная монахиня.

«Отправили меня на Донбасс. Я пришла к Батюшке за благословением. Он мне сказал: «Езжай, поездишь туда да сюда и приедешь обратно. Будет неплохо». Эти слова исполнились. Я поехала да и назад вернулась. По его святым молитвам.

Когда Батюшка умер, то меня не было здесь. Я очень скорбела, что ничего у него не спросила о своей жизни. После сильных слез и уныния приснился мне Батюшка (вскоре после смерти его). Будто иду я к нему за благословением и несу гостинец. Попала я в великолепный сад необыкновенной красоты? Пение такое умирительное, что я и сейчас в восторге. Вижу, домик стоит. Я поняла, что это Батюшкина келия, и я подошла к нему. И тут я увидела Батюшку, который благословил меня, а потом взял мою голову и туго крестообразно прижал к груди. Я подумала, что это потому, что я грешная, так он туго взял за голову. Потом я Батюшке помогла выйти из келий, около которой было две дороги: одна широкая, ровная, другая узкая, каменистая, неровная. Я хотела вести Батюшку по широкой дороге, чтоб удобней идти. Но он свернул направо, на узкую дорогу, и сказал: «Вот иди по узкой дорожке. Это тебе благословение». И я проснулась.

Так я теперь и живу. Сложились обстоятельства так, что я попала к духовному сыну Батюшки отцу Никифору. И он меня направил на этот узкий путь. И я молюсь, чтобы дойти этой дорогой до конца».

Рассказ одной еврейки.

Накануне войны три еврейские девочки решили посетить «дедушку», о котором они много слышали интересного. «Он много говорит наперед и бывает весело на душе».

Они взяли гостинец: по поллитровой банке меду, две из них по сдобному калачу с маком, а третья — яблоки.

Попасть в это время было трудно им к Батюшке. Так он на их счастье в это время выглянул на улицу, и они встретились. А перед этим одна из них, у которой были яблоки, смутилась, что они «дедушке» несут большой гостинец, куда он будет его девать, и стала есть яблоки и угощать подруг, но те отказались. Так, мол, нечестно делать. И Батюшка («дедушка») двоих обнял и сказал, какие хорошие девочки, что пришли проведать «дедушку». «За вашу любовь и искреннюю милость Господь в тяжелом обстоятельстве спасет вас от смерти. А ты (третья) упадешь и уже не

вернешься».

И они ушли, двум было хорошо на душе и по сей день осталось что-то незабываемое. А третья ничего не ощутила. В скором времени грянула война. Они вспомнили «дедушку». Все эвакуировались. Попали под бомбежку. Тех девочек вместе с другими засыпало землей. Этих двух спасли, а третья умерла со многими. Так исполнились предсказания старца.

И когда умер Батюшка, одна из этих бывших девочек, она уже женщина, обращалась к своей сотруднице на работе и говорила: «Какое горе Чернигову, потому что умер такой дорогой человек арх. Лаврентий», и поведала о своей встрече с ним в детстве. Рассказывала, что она вышла замуж за русского, почитает русские праздники и восхищается жизнью и делами этого дивного старца. Поражена его прозорливостью, что он даже вышел тогда им навстречу, иначе бы они его не увидели.

Рассказ одной благочестивой сестры, дочь которой была келейницей у м. игумены Домницко-го монастыря.

«Жила в селе, но душа моя жаждала другой среды, духовной, монастырской. Пошла я к матушке игуменье Домницкого монастыря. Она согласилась принять меня и послала меня в Чернигов к о. Лаврентию за благословением.

Пришла к Батюшке, упала в ноги, плачу, объясняюсь. Батюшка внимательно выслушал меня и говорит: «Нет. Живи дома. Что монастырь? Мы собрались на время помолиться. Дома живи, "где 2—3 собрались во имя Мое, там и монастырь"». «А я же мирская», — сказала я. «Когда муж придет, ты проси у него расписку, что он не против того, что ты идешь в монастырь, а игуменья тебя оденет».

Я так и сделала по его благословию да святым молитвам. Действительно, муж вернулся с войны. Я потребовала от него расписку. Он не отказал мне в этом, и сам уехал далеко от этих мест. Став свободной, я попросила м. игуменью одеть меня. Она вначале отказала как семейной. Я показала ей расписку от мужа, и она согласилась, одела меня. И я так и живу по благословию этого великого прозорливца».

При беседе с матушкой игуменьей Домницкой Батюшка о. Лаврентий сказал: «Когда вы будете в Троицком монастыре, а потом его закроют на «длительный ремонт», то не забудьте (обратился он к келейницам), а нас тогда не будет, передать всем, чтобы не соглашались ехать на села к родственникам. Оставайтесь, по возможности, в городе. В селе служба 1 раз в неделю, а то и реже, и работы много. Вам будет не до молитвы. Еще раз повторяю, чтоб этого не забыли».

Так и случилось: «Мы прожили 10 лет и переехали в Троицкий монастырь, и потом и отсюда ушли. И я думала к маме, — вспоминает одна келейница матери игуменьи, — а потом вспомнила эти слова Батюшки и всем сестрам передала. И многие переписались на город. А кто остался в селе — жалеет».

Так исполнились слова старца.

Батюшка очень уважал Домницкую матушку игуменью, сестрам ее говорил, что есть им у кого учиться, что у нее идет молитва Иисусова непрестанно, и приговаривал: «Она чаек пьет, а молитва в сердце бьет». И призывал учиться у нее и спрашивать, потому что не все время будет с ними. «Можете не всегда ко мне обращаться. Если будете в унынии, то обращайтесь к ней. Она сама была борима. И ее молитва сильная», — говорил Батюшка о. Лаврентий сестрам. И так было после смерти Батюшки. «Она нам помогает — схиигум. Архилая», — говорили сестры.

Келейница м. игум. Архилаи спрашивала, как она переносит всякие огорчения, напасти, которые враг-завистник наносит «во сне», да еще будучи постельно больной. А м. игуменья ответила, что эти скорби ее нисколько не задевают. У нее идет молитва непрестанная (сердечная), а только сердце побаливает от непрестанной сердечной молитвы Иисусовой.

Женщина обратилась к Батюшке со своим горем: родился сын «калечка», она принесла его к Батюшке и сильно плакала. Батюшка перекрестил и сказал, что это Господь заберет, а еще будут двое, то будут для утешения. Так и сбылось.

Батюшка любил точность и аккуратность в церковной службе. Владыка Борис любил изменять устав: вместо простой службы — полиелей, вместо полиелея — бдение. И это было неоднократно. В одно из таких нарушений Батюшка расстроился, бросил книги и сказал: «Зачем уставы написаны и по ним книги?» И гневно воскликнул: «Такой Владыка больше двух с половиной лет не будет здесь». Что действительно и исполнилось.

Батюшка был недоволен, когда не вычитывали кафизмы. «Лучше солнцу перестать светить, чем кафизмы перестать читать», — гневно говорил Батюшка. И при владыке Борисе перед праздниками кафизмы вычитывали перед Вечерней, а в будние дни — все в свое время.

На приходе один маститый батюшка, о. Ф., благословил сокращать «Погребение». Об этом сказали Батюшке. Он с гневом ответил: «Если не будет на Страшном суде отвечать, то пусть сокращает!» Тот испугался и отменил свое благословение.

Когда открылся монастырь, настоятель был протоирей Д., который не любил сестер. Все ему было не так. Пожаловались Батюшке. Он сказал, что тот нервничает: или отсюда уедет, или умрет.

При другом Владыке его послали на приход, где через год он умер. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Однажды м. М. пришла к Батюшке, чтоб он благословил ее запечатать сестру, пострадавшую от немцев. Все село было сожжено, и много людей погибло, по-видимому, и сестра. А Батюшка спросил: «Помогала ли она тебе?» «Да, помогала, давала хлеб и молоко», — ответила монахиня М.

«Тогда она ни в огне не сгорит, ни в воде не утонет», — сказал Батюшка. Монахиня опять за свое, чтоб благословил запечатать.

«Иди, тебе сказано. Не мешай работать», — еще раз повторил старец и занялся своим делом.

Она не поверила словам Батюшки, пошла к другому священнику, и тот ей благословил. И она исполнила свое намерение («запечатала»). Приходит назавтра сестра жива-невредима проведать свою сестру в монастырь. Батюшка очень огорчился, что спрашивать идут, а делают по-своему.

Одна женщина пришла к Батюшке за благословением поехать по какому-то делу. Батюшка не благословил. Ей очень хотелось свое намерение выполнить, и она поехала. В дороге случилась большая беда, и она чуть не погибла. Потом пришла к Батюшке, плачет и просит прощения. Батюшка сказал: «Это тебе за непослушание. Идешь за благословением, а делаешь — по-своему».

Одна из девиц из села В. пришла к Батюшке за благословением поступить в

монастырь. У нее были мать и брат.

Батюшка сказал, что у нее есть мать, за которой нужно ухаживать. А девица утверждала, что у нее еще брат есть.

«Нет, — сказал решительно Батюшка, — живи с матерью и молись, непрестанно читай молитву Иисусову».

Началась война, брат не вернулся, и она с матерью живет сейчас. Так исполнились слова прозорливца.

Одна девушка пришла к Батюшке за благословением в монастырь. Но старец сказал: «Нет, твой путь в мире жить и чад растить. Не все спасутся в монастыре, и не все погибнут в мире. Живи благочестиво, и Матерь Божия поможет спастись».

Так все и сбылось. Вышла замуж. Муж рано умер. Осталась вдовой. Жить старается благочестиво.

Рассказывала одна женщина.

«С мужем я имела неприятности. Не хотела с ним «жить» под праздники и в посты. Он был недоволен, ругался. Я не знала, что делать. Плакала, молилась».

Приснился мне Батюшка о. Лаврентий, который сказал: «Иди к о. Никифору, и все дело наладится». Так и сбылось. Батюшка о. Никифор помолился, передал пирожок, и все у нас наладилось. Он стал слушаться меня».

«Назначили в Германию. Забрали на сборочный пункт. Мать с отцом в селе. Я стою и молюсь Божией Матерью, чтобы молитва о. Лаврентия помогла мне. Вдруг подходит полицейский, который охраняет, и говорит мне: «Что ты такая скучная, заплаканная. Мне очень жаль тебя. Я уйду за угол, а ты по трубе спустишься и беги. Я тебя не буду видеть».

Он еще не успел за угол зайти, спустилась одна впереди меня (она слышала наш разговор), а за ней и я. Подошел другой полицейский, и я у него под рукой прошла. И пошла прямо к Батюшке. Документы мои остались там. Говорю Батюшке: «Теперь могут всю семью расстрелять, что делать?» Он говорит: «Не бойся, иди прямо в село, живи, пока не получишь повестку. Если получишь повестку, то говори, что пошла к маме взять кое-что на дорогу и попрощаться, а эшелон уже ушел, и ничего не будет ни тебе, ни им. Не волнуйся».

Так и случилось. Дождалась повестки и приехала к ним. Они спросили: «Почему убежала?» Я говорю: «Нет, я не убежала, а пошла с мамой попрощаться». Они накричали и отправили меня. И ничего мне не было по святым молитвам Батюшки».

Один мужчина пришел к Батюшке с жалобой на сильные головные боли. Батюшка сказал ему: «Иди, копай пещеры у преподобного Антония, возьми камень оттуда и приложи на голову». Две недели он копал пещеры, и голова перестала болеть. Пришел к Батюшке и говорит: «Голова уже не болит». Батюшка ответил ему: «Господь помог тебе. Больше не будешь болеть». И теперь ему уже 85 лет и никогда не бывает головных болей.

Глубоко верующая и почитавшая старца Лаврентия женщина пришла к Батюшке за благословением: что ей делать? Муж попал в ссылку. У нее трое малых детей. Ей советуют отдать детей в детдом, чтобы легче было прожить. А у нее материнское сердце обливается кровью от скорби.

Батюшка выслушал ее внимательно, посмотрел потом вверх да и говорит: «Одному место есть. А дочь у тебя будет монашкой, а вот третьему где же место?» И Батюшка словно глазами отыскал третьему место, а потом сказал: «А вот и третьему есть место».

Она ушла утешенной. Действительно, пророческие слова исполнились. Вскорости самый маленький сын умер. Лет через пять умер и второй. А дочь подросла и ушла в монастырь.

Рассказывала одна сестра П. «Пошли мы с сестрой И. к Батюшке проситься в монастырь, который недавно открылся в Чернигове. Батюшка сказал, что позже, тогда все вместе (трое). А теперь не время.

Через некоторое время я опять пришла к Батюшке. Он благословил и сказал: «Давайте скорее, все трое приходите». Это были две мои сестры. И начал беседовать о трудном положении, «что хороших келий нет, а есть одна не весьма оборудованная, там будет и холодновато, может, и вода будет замерзать. Но все нужно терпеть».

Я выслушала, а в душе никак не соглашаюсь. И думаю, как бы ослушаться и не переходить в эту келию. И ушла. Но Батюшка вернул меня со словами: «Я сказал переходите». И мы послушались, поселились в этой келий. Сестры мои живут, трудятся, ходят в церковь, молятся. А я совсем занемогла, слегла в постель, а в душе такой ропот на квартиру и на Батюшку.

А он в один из таких дней подошел под окно нашей келий и заглянул, молча, но строго. Я, увидев его, смутилась и в душе почувствовала себя виноватой. Я собрала все силы и поднялась с постели, пошла по келий. Мне стало легче, и с того дня я стала поправляться, начала ходить в церковь и включаться в монастырское послушание. У Батюшки попросила прощения и больше не роптала».

Одна женщина пришла к Батюшке с жалобой на свою болезнь. И спрашивает, что когда уже душа очистится, чтоб болезнь оставила ее. А Батюшка сказал, что болезни бывают разные, что есть болезни за прародительские грехи. И эти болезни освобождают их от уз.

Рассказывала одна монахиня П.

«После смерти Батюшки на душе было тяжело, не было любви к сестрам и была какая-то внутренняя неудовлетворенность.

И снится мне Батюшка: такой молодой, во всем белом; келия такая богатая, вся сияет. От страха я проснулась. Потом закрыла глаза и опять вижу то же самое. И проснулась. И думаю себе, чего же я просыпаюсь и не нагляжусь на Батюшку, и не поговорю с ним.

Опять снится та же красота. Батюшка будто позвал меня и еще двух сестер. Мы взяли благословение, а он и говорит: «Любить нужно всех. Любовь — великое дело. Никого не обижать и за зло платить добром. А мысли — это ветер». Я проснулась и была утешена».

Пришла женщина к Батюшке и жалуется, что сильно ее томит дух уныния, что не спасется. А Батюшка утешил ее, сказавши: «Чего ты не спасешься. Ты записана в "книге жизни"».

А другая, стоявшая рядом, спросила, что ей делать, чтобы быть записанной. Батюшка ответил: «Нужно читать молитву Иоанна Златоустого «Господи, не лиши мя небесных Твоих благ» и т. д. ежедневно утром и вечером и ходить в церковь, и Господь спасет,

если будешь умом беседовать с Ним». И они ушли утешенные.

Одна мать пришла к Батюшке пожаловаться, что долго ничего нет от сына. Батюшка говорит, что не успеешь прийти домой, как письмо получишь. «Да знай, что материнская молитва ни в огне не сгорает, нив воде не тонет».

И она шла улицей, а ей почтальон отдал письмо. Так исполнилось предсказание старца.

Один мужчина отрезал кусочек облачения свят. Феодосия. Когда пришел он домой, то это его сильно мучило, и он бросил этот кусочек в колодец. А когда исповедовался у Батюшки, то все грехи исповедал, а этот забыл, а Батюшка прозрел этот грех и сказал каяться. Он каялся и стал глубоко верующим человеком, поражался прозорливости старца.

Батюшка говорил, что священнослужители станут сокращать службы, вначале псалтырь, а потом часы. Господь не потерпит, да как шарахнет, как колоколья в высоту, так будут вниз падать. И от страха многие призовут имя Господне и по вере спасутся.

Одна женщина отрезала кусочек тела от мощей свят. Феодосия. У нее появились раны по телу, а врачи ничего не могли сделать. Все тело было покрыто гноем. Привели ее к Батюшке, а он спрашивает: «А куда ты девала тот кусочек тела от мощей свят. Феодосия, который отрезала?» Она сказала, что бросила в колодец. «Так вот, если поймаешь тот кусочек, выздоровеешь, а если нет, то умрешь». И она умерла, как в наказание за грех.

Мать одного священника, еще будучи девушкой, пришла к Батюшке за благословением в монастырь, так как ее многие сверстницы получили благословение на это, а Батюшка посмотрел на нее да и говорит: «Ты иди замуж». Она стала возражать и не соглашаться, а Батюшка ответил: «А кто же будет рожать батюшек и архиереев?» Предсказание исполнилось, у нее родился сын, сейчас он протоиерей.

У Батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром сердечной молитвы, прозорливости и даром исцелений.

Батюшка сильно плакал, когда кающийся грешник открывал свои смертные грехи, такие, как «детоубийство во чреве матери». Он говорил, что той матери нужно много слезно молиться, чтоб Господь простил этот страшный грех. Он говорил, что этого греха нужно бояться хуже, чем огня. «Сохрани Бог делать этот грех», — строго говорил старец Лаврентий.

Рассказывала матушка благочинная (она же и певчая), как была она еще девочкой-подростком и поехала в Чернигов к Батюшке, взяла с собой сестричку-малолетку тоже, у которой болела нога от пореза стеклом. Вот она сестричку Е. оставила в стороне, а сама подошла к Батюшке, а Батюшка сразу подзвал меньшую, благословил и позвал петь «на хоры». Она смутилась, покраснела, а Батюшка всем сказал, что это будет самая лучшая из всех певчих, даже солистка. Все улыбнулись.

Прошло время, девочка выросла, была хороша собой и обладала очень красивым, нежным сопрано, и была первой солисткой в Батюшкином хоре. Этому мы все свидетели, перед кончиной она сподобилась облечься в великую схиму.

Рассказывала матушка благочинная, что сообщили из дому в монастырь, что отец тяжело болен и чтобы немедленно приехала. «Я пошла к Батюшке за благословением,

да и хочется мне знать, долго ли он проживет. А Батюшка назвал только цифру 9, а дальше я ничего не поняла и уехала. Отца я застала уже совсем слабым. Он прожил всего 9 минут и скончался. Я удивилась прозорливости старца».

Рассказывала одна (духовное чадо Батюшки, она же и хористка).

«Во время войны, когда была малолеткой, при оккупации, в день праздника Георгия Победоносца, во время акафиста, Батюшка пальцем подозвал меня к себе, дал просфору и благословил немедленно бежать домой. Я еще в нерешительности думала, что делать, а он строго настоял на своем: «Беги домой».

Прихожу домой, открываю дверь. Дома никого не было. Вдруг стучатся три человека, спрашивают, кто здесь живет, какой состав семьи. Нас было трое детей, отец и мать. Они постояли, подумали. Один из них махнул рукой и сказал: «А, ладно, пошли дальше!» И ушли.

А вечером мы узнали, что ходили и забирали коров и почти у всех соседей забрали, а нашу сохранил Господь, по молитвам великого старца, который прозрел и подал руку бедному семейству».

«В монастыре я была на послушании огородницы. Послали меня к архиерею, где назначили зарплату 300 р. (т. е. 30 р.). Я спросила у Батюшки, как мне быть. Старец Лаврентий не благословил брать деньги, а сказал: «Тебе Господь пошлет. А если будешь брать деньги, то награды не будет. И если в церкви поют за деньги, тоже ничего не приобретают для души».

Я так и поступила, как говорил старец, и Господь никогда меня не оставляет», — рассказывала о себе сестра А.

Во время домашней келейной молитвы кто-то сильно постучал в дверь к Батюшке. Когда открыли, то увидели мужчину, который укоризненно кричал, что он приехал издалека и ему не хотят открыть. Батюшка вышел на шум да и говорит: «На поляницы (хлеб) позавидовал. Но если у престола будешь не по правде, то можно, как говорится, и двух лет не прожить и сгореть».

«Да, я хочу на священника», — сказал мужчина.

«То иди к архиерею. Пусть он, как хочет. А я не хочу», — резко ответил Батюшка.

Он обратился к владыке Борису, который его рукоположил во священника. И он двух лет не прожил и умер, как и предсказал старец. Батюшка с сожалением вспоминал о нем: «Он ничего не может, а только погибнет душа его».

Батюшка часто повторял: «Жалко неопытных священников, потому что у них времени не хватает вычитывать все. Записки не читают на проскомидии, а в будущей жизни будут за спиной носить. Если бы были опытные, то неп прочитанные записки аккуратно сложили бы в столбики, да со страхом перекрестили, да сказали бы: «Помяни, Господи, всех здесь написанных и не прочитанных по немощи человеческого естества», и они бы не отвечали по человеколюбивому Богу нашему». «А они неопытны, частицы вынут, а записки везде валяются по окнам, а за это будут нести ответ», — так говорил добрый старец и обливался горькими слезами.

«Когда началась Отечественная война и открылись монастыри, у меня явилось сильное желание посвятить свою жизнь Богу. И я просила мать, чтобы она дала согласие уйти мне из родного дома в монастырь».

Мать колебалась, так как была слаба здоровьем, и решила обратиться к старцу Лаврентию, как он скажет, так и будет. Батюшка одобрил мое намерение и сказал матери: «Вот и правильно она делает, что решается на эту жизнь, только она молода, пусть годик поживет дома, а тогда придет». А мать говорит: «Их у меня две, а кто же мне помогать будет?» «А вот она и будет помогать. Будет и молиться, и доставлять тебе все, и садить, и убирать», — сказал Батюшка. Мать успокоилась и дала свое благословение идти мне в монастырь. И действительно сбылись слова старца Лаврентия. Я с монастыря всегда приезжала матери на помощь, так как м. игуменья сочувствовала бедственному положению моей матери».

По благословению о. Лаврентия владыка Б. ходатайствовал за мощи черниговского святителя Феодосия. И когда он уехал, то Батюшка Слезно ежедневно служил акафисты святителю Феодосию с молебнами и коленопреклоненными молитвами, а с ним и многочисленный народ.

И когда привезли святые мощи, то он радостно воскликнул: «Христос Воскресе» и сказал: «Теперь свидетель будет в нашем граде до скончания века, и град будет избавлен от града. Если не уродит озима, то будет яровой урожай. Он великий молитвенник и заступник, кто с верою притекает к нему». И действительно мы ощущаем его святую мощь.

Одна сестра пришла к Батюшке в сильном унынии и говорит, что она томится душой, что не спасется.

Батюшка ответил: «О тебе нет речи, что спасешься. И все люди, кто истинно кается и говееет, спасутся, только обители будут разные и люди будут не в одном месте».

Матушке игуменье А. нужно было поехать в Киев. Она пришла за благословением к Батюшке. Но он не благословил, сказал: «Не нужно ехать», и повторил трижды. Матушка настояла на своем, поцеловала руку старца и уехала без благословения.

Когда стали подъезжать к Киеву, м. игуменье стало ломать все кости. Приехав на квартиру, она пять дней пролежала в тяжелом состоянии в постели и еле жива вернулась домой. Каялась в своем самочинстве и рассказывала всем сестрам для назидания, чтобы ничего не делали без благословения старца.

Матушка Д. пришла к Батюшке и рассказала свой сон. Ей приснилось, будто она отреклась от Евангелия. Батюшка ответил, что это бывает за какой-то грех: или поругалась, или обидела кого, может, кого не пустила переночевать.

Она ответила: «Да, Батюшка, вчера я своей знакомой женщине отказала в ночлеге, так как она была не одна, а с сыном подростком». «Зачем ты так сделала?» — спросил Батюшка. «Я не люблю мужчин», — ответила монахиня. «Э, нет, нет, так говорить нельзя. Душа одинакова, что мужская, что женская. И вот ты заповедь не исполнила и будешь отвечать на Страшном суде! Они приехали поговеть и не смогли спокойно помолиться», — так строго наказал старец м. Д. Она каялась, просила прощения и ушла со слезами.

Рассказывала м. П.

«Однажды начальник вызвал меня к себе и спросил, пою ли я. Я ответила, что пою и светское, и церковное (так Батюшка учил нас говорить). Меня Бог одарил голосом. «А ты пой только наше, светское», — сказал начальник. Я ничего не ответила ему, а когда рассказала Батюшке, то он благословил немедленно выезжать куда-либо.

«Ты слабая здоровьем, «переселения» не перенесешь. А скоро откроются монастыри, нужны будут певчие. Ты будешь нужным человеком. Будешь солисткой. Немедленно нужно выезжать», — строго увещевал старец.

Мне сильно не хотелось уходить от старца. И я, слезно упав в ноги, попросила благословения и святых молитв, пошла странствовать, в душе храня великие слова старца. И действительно, прошло немного времени, началось страшное время войны. Открылись церкви, монастыри. И все те слова, которые говорил Батюшка, исполнились на мне грешной. Я пела в хоре, была солисткой и сейчас пою в хоре, чем зарабатываю себе кусок насущного хлеба».

«Мы жили вдвоем с Н. Т. при м. игуменье, — рассказывала инокиня П., одна из близких келейниц при м. игуменье А., — нам было очень тяжело. А тут еще начался ремонт, то уж совсем невыносимо было наше положение. Случайно вышла я во двор. Вижу Батюшку ведут сестры в церковь. И побежала за благословением, а слезы так и катятся из глаз. Батюшка остановился, благословил меня и сказал: «Еще три денечка, а там будет легче, так скажи и своей помощнице». И я так обрадовалась этим словам, и мне стало так легко, словно Батюшка снял с моих плеч тяжелую для меня ношу. И действительно, через три дня нас перевели в другую келию и там стало гораздо легче жить. Так прозрел Батюшка нашу скорбь и помог своими святыми молитвами».

«Во время войны, когда Чернигов был подвергнут сильному разрушению, Батюшка временно проживал в селе Синявка, — рассказывала м. П.

На другой день по приезде благословил нас двоих в Чернигов проведать дом, походить вокруг храма, чтобы Господь сохранил, потому что нам он нужен будет, и чтобы наши воины не погибли, чтобы больше их сохранилось. Мы пытались отказаться, было очень страшно. Но Батюшка настоял и ободрил — ничего не бояться и идти той дорогой, которую указал, и той же возвращаться в тот самый день.

Для нас это все было почти невозможным, но мы, надеясь на милость Божию и на Батюшкины молитвы святые, пошли в путь и с успехом вернулись. Батюшка был очень рад нашему послушанию и сказал, что теперь все останется в целости: и двор, и дом, и церковь. И действительно все сохранилось, и нигде бомба не упала, где обитал Батюшка. Все село от старого до малого бежали за благословением к старцу, и воины, и раненые. Батюшка сам подходил к раненым, крестил их раны, исцелял и ободрял их своими прозорливыми словами, что они не погибнут, что вернутся с победой домой. Что враг будет недолго, потому что он злой. И молился утром и вечером со слезами, с поднятыми вверх руками за нашу русскую землю.

И так сбылось все. Многие воины писали письма и благодарили «дедушку» за хорошие пожелания, что они действительно остались живы по предсказанию старца, и многие из них возвращались домой глубоко верующими людьми.

Батюшка часто повторял, что идет злой враг, он будет села сжигать, женщин с маленькими детьми в огонь бросать, и сильно плакал. «Это идет наш бич. Но он будет недолго: года два с половиной, — говорил Батюшка. — Потом люди в воскресенье не будут работать, и церкви будут и монастыри. Молитесь за нашу святую Русь. Она как роза цвела. А иностранцы ввели содомские грехи. Чревоубийственные, венерические болезни, чем осквернили ее и оскорбили», — так говорил старец, болезнующий о прошлых и грядущих событиях».

«Я приболела и не могла выйти на работу, чтоб начислить зарплату», — сказала одна благочестивая женщина Батюшке. «А ты к врачам обращайся и лечись травами. Врач, если верующий, то он, как Апостол. А к шептухам не ходи, это бесовское дело. От них

отнимается благодать. Они к молитвам да прибавят еще слово «свое». Вот если в бочку меда да влить ложку керосина, то и не будешь есть. И с такими не дружи, — продолжал Батюшка, — которые неверующие. Если поставишь бочку с керосином и сам походишь около нее, то сам пропитаешься его запахом. Так, если будешь дружить с неверующими, то согрешишь. Господь сказал: «со избранным избран будешь». Держись верующих людей, то будет легче», — так увещевал Батюшка своих чад.

«Заболела у моей дочери нога. Лечили мы и всякими народными средствами, а нога все хуже становилась. Обратились к медицинской помощи. Врачи сказали, что дело серьезное: загнила кость, нужно ампутировать ногу, чтобы девочке сохранить жизнь.

Я со слезами обратилась со своим горем к Батюшке о. Лаврентию. Батюшка сказал: «Да, у врачей ножи острые, а благодати нет. Не скорби, — утешал меня Батюшка, — она выздоровеет. В больницу не ложитесь, а пусть здесь в монастыре с неделю поживет». И я оставила ее у одной монахини А., а сама уехала домой в село.

Ее каждый день утром и вечером носили в церковь. А Батюшка после службы подходил к ней и своей благодатной рукой крестил ногу и поглаживал.

Через две недели дочь выздоровела и пошла своими ногами, оставив костыли. Я пришла к Батюшке уже со слезами радости и благодарности. Не знала, чем и как отблагодарить старца. А он только улыбнулся и сказал: «Хотел бы я, чтоб она не только физически исцелилась, но и духовно...»

Одна верующая женщина рассказывала о себе.

«Во время войны была я в больнице с ребенком. Когда немец стал отступать, то и мы разбежались, кто куда. Я стояла на вокзале, прижав к груди ребенка, и плакала. Немец кричал: «weg, weg!» Я не знала, к кому обращаться за помощью. Из людей никого не было знакомого, а к Богу — я была неверующая.

Вдруг ко мне подошла знакомая монахиня П. Она из нашего села. Я рассказала ей свое горе. Она сострадательно отнеслась ко мне и посоветовала обратиться к старцу Лаврентию. Я согласилась и последовала за ней в монастырь с ребенком в руках.

Батюшка как увидел нас, то воскликнул: «Кого ты принесла ко мне, да это Ангел, его место на небе!» Потом накормил нас. Девочке моей дал большую просфору. А меня спросил: «Ты будешь приезжать ко мне?» Я ответила, что не знаю. «Будешь, будешь», — уверенно ответил старец. Дал мне в сопровождение мою знакомую м. П. и отправил домой в село, указав, какой дорогой нужно идти и что нужно отвечать, если спросят: «Это я веду свою сестру». И мы благополучно добрались до своего села. Мать, как увидела меня, то воскликнула: «Христос Воскресе!» Я рассказала ей, что побывала у старца о. Лаврентия. Мать моя была верующая и очень чтит Батюшку. Тогда она радостно сказала: «Значит, ты будешь верующей!» О девочке я рассказала, как Батюшка Ангелом ее назвал. Мать, помолчав, печально заметила: «Наша девочка, наверное, умрет, потому что Батюшка ничего не говорит напрасно». И действительно, дочь моя года через три умерла. Муж был убит на фронте.

Я стала верующей и часто приезжала к Батюшке.

Был такой случай: однажды я по делу приехала к Батюшке, а он говорит: «Если ты будешь выходить замуж, то смотри повенчайся». А мне находились хорошие люди. «Но лучше было бы, если бы ты не выходила замуж, потому что ты и так уже блудница. А если не выйдешь и будешь жить в чистоте, ходить в церковь, молиться, то через 18 лет будешь причислена к «девам». Останется только небольшой шрам на душе. Так вот

смотри, как хочешь».

Я упала в ноги старцу и слезно произнесла:

«Помолитесь, Батюшка, чтобы мне устоять и не выходить замуж». «Если у тебя есть желание не выходить замуж, то и не выйдешь», — сказал Батюшка. И по милости Божией да по святым молитвам старца я осталась одна. Читаю свое правило, и день и ночь благодарю Господа за Его милость».

«Прихожу я на работу, — рассказывала та же боголюбивая женщина, — а меня ставят в известность, что должны перевести на другую работу, более ответственную, которая не по мне, так как я малограмотная. Я попросила один час для обдумывания и пришла к Батюшке за советом: как мне быть. А я стояла в раздумье, что лишаюсь куска хлеба, так как не смогу работать, и горько плакала.

Расспросив обо всем, Батюшка благословил идти на эту работу и ничего не бояться. Но только пророчески сказал: «Иди и работай, 10 лет проработаешь, а потом найдешь другую. Я помолюсь, то Бог поможет. А после 10 лет, когда увольнять будут, то говори только правду, и тебе Бог поможет».

Я работала исправно. Прошло 10 лет. Батюшки уже не было. Меня обвинили в каком-то незаконном деле. Начальник уговорил меня взять вину на себя, а что он меня потом выручит из этого положения; подсунул мне бумажку для подписи. Я согласилась, подписала, а сама мучаюсь совестью. А потом вспомнила вдруг слова старца, чтобы говорила только правду. Я зарыдала и стала мысленно призывать на помощь Батюшку. Мне явилась мысль, чтобы забрать тот документ ложный, который я подписала. Нашла момент, когда начальник куда-то вышел. Я быстро нашла в папке документ и уничтожила, сказав начальнику, что я ничего подписывать ложного не буду. Буду говорить только правду. Начальник сильно расстроился. При комиссии я дала верные показания, но с работы я немедленно ушла и поступила на другую. Так исполнились прозорливые слова великого старца».

Во время разрухи Батюшка благословил двум сестрам поехать в Иверскую страну. «Там бес не воссядет, гонения не будет, а в «другое время» будет незначительное, так как Матерь Божия охраняет это место», — сказал старец.

Они поехали по благословию Батюшки и были довольны.

Однажды встретил Батюшка на монастырском дворе одну свою духовную дочь А., которая жила в селе с матерью, да и спрашивает: «Ты приехала?» «Приехала, Батюшка, да уж больше и не поеду в село. Брат сильно недоволен на меня, гонит из дому, хоча оставить ему свою часть дома», — со слезами сказала А.

«Нет, от хаты нельзя отказываться. Хата наша, монастырская. Об этом золотыми буквами написано на небе. (Батюшка протянул руку и показал смущенной сестре на небо.) Твой отец перед смертью дал завещание матери, что хата — на монастырь и материал, который во дворе, — тоже на монастырь. И Гаша пусть там живет. А если боишься там жить, — Батюшка взял свой крест и осенил им все четыре стороны и проговорил: — вот, ваша победа, а не «его». Ты потом продашь и купишь себе, а брату отдавать нельзя», — настаивал Батюшка.

«У нас двор негодный и три тысячи не дадут, за что же мы купим?» — ответила А. «Мать умрет, тебе дадут 18 тысяч», — сказал старец. «Я приехала домой, — рассказывала сестра А., — да и спрашиваю мать: «Что говорил отец перед смертью по поводу нашего жилья?» Мать к моему удивлению повторила слова Батюшки: что все на

монастырь. И я рассказала мою беседу со старцем».

«По молитвам Батюшки брат стал убегать от меня. Со временем мать умерла. Рядом с нами жил начальник (председатель), очень хороший человек. Однажды он пришел и сказал, что хочет купить нашу хату и дает 18 тысяч, и кладет мне на книжку, и свой двор соединяет с нашим.

Материал я предложила одному священнику в соседнее село для построения дома, дала ему как жертву. Когда приехала и рассказала обо всем Батюшке, он похвалил меня и сказал купить за эту цену домик в городе.

Я жила в монастыре, а домик воздерживалась купить. Но Батюшка беспокоился за меня, я по его благословиению купила за ту самую цену, где живу и теперь».

«Батюшка, благословите не есть сала», — просила одна женщина. «Как говорится: сало можно есть, а людей нельзя», — ответил старец. Через некоторое время она опять за обедом повторила свою просьбу. Батюшка повторил тот же ответ. Сестры потом узнали, что она очень плохо жила со своей снохой, очень тихой, терпеливой и богобоязненной женщиной.

Одна женщина рассказывала случай из своей жизни.

«Жила я в селе и на свои нужды одолжила у соседки 6 руб. денег и пообещала ей отдать сразу, как съезжу с торгом в город. В тот же день собрался и сосед продавать корову. Мы договорились возвращаться вместе вечерним поездом. По дороге я зашла за благословением к Батюшке. Старец благословил меня и сказал немедленно ехать домой, дав мне денег на дорогу и сказавши: «Это отдашь долг, а рубль на дорогу. Езжай сейчас же этим поездом».

Я не смела послушаться старца, молча побежала на вокзал, а в голове разные мысли, что дескать что-то не так. В волнении прибыла домой. Дома все в порядке. Меня спрашивают, что так быстро вернулась. Я молчу. Наступил вечер, соседа нет. Наутро нашли его убитым в лесу, и деньги забрали. Я приехала к Батюшке и рассказала о происшедшем. Батюшка ответил: «Ангел-хранитель вас спасет». По молитвам старца я была спасена от наглой смерти», — так кончила свой рассказ боголюбивая женщина.

«Как, Батюшка, спастись?», — спрашивает женщина старца. «Ходи да пой: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Нужно, чтобы в душе был мир. Спасение не тяжелое, но мудрое. При этом времени нужно быть мудрым, и спасешься», — сказал старец.

Одна сестра А. пришла к Батюшке за благословением поехать в Киев помолиться. Батюшка одобрил благое дело и благословил посетить маститого арх. Иону.

«Побывали мы по святым местам и зашли к о. Ионе, — рассказывала сестра А. — Келия заперта. Стучали, стучали, никто не открывает. Сестры говорят мне: «Постучи ты, тебе же было благословение зайти». Я постучала, и старец отворил, благословил всех, а мне сказал подождать, пока напишет письмо о. Лаврентию.

Я подождала. Он вынес мне письмо да бух в ноги мне земным поклоном. «Это я не тебе, а вашему старцу. Великий он у вас молитвенник. Вот передай ему от меня», — сказал о. Иона.

Я простилась и поспешно уехала домой, оставив своих еще на богомолье, чтобы скорее отвезти поручение старца.

Прибежала к Батюшке о. Лаврентию да в ноги ему земной поклон. Это, говорю, так

велел о. Иона передать Вам земной поклон, и подала ему письмо. Батюшка был очень рад. Оглянулся вокруг, нет ли никого, да и говорит: «Я его знаю только по духу, а в лицо не видел».

«Когда я была еще совсем молоденькой девочкой, но грамотной, — вспоминает о себе одна сестра, — я пришла к старцу о. Лаврентию, то он благословил меня и велел пойти к одному батюшке И. и попросить у него 1-й том «Добротолюбия», и читать его. Я подошла и попросила от Батюшкиного имени. Он подал мне книгу, но был очень удивлен, чем смутил меня. Ведь я еще не знала тогда, что это за книга.

Спустя много лет я их очень любила, эти книги, много раз их читала, делала выписки для себя. Еще задолго до монастыря Батюшка предсказал, что я буду жить в монастыре, а потом прогонят, что в свое время сбылось».

«Работала я среди образованных людей. Работы было много и притом умственной. При беседе Батюшка меня спросил, читаю ли я Иисусову молитву во время работы. Я ответила — нет. «Нужно читать», — строго сказал старец. Эти слова для меня были непонятны. Я мысленно хотела возразить Батюшке, что в шумном обществе это невозможно. Но, смилив себя, начала приучаться и по молитвам старца со временем уже осуждала себя за строптивость. «Где хочет Бог, там побеждают естества уставы», — так рассказывала о себе м. М.

«Батюшка, моего сына осудили на 25 лет, и имущество должны конфисковать. Осталась невестка с малыми детками, — со слезами рассказывала о. Лаврентию пожилая женщина о своем горе. — И хата еще не достроена. Обвиняют его за халатность, за подписку документов. Он и не виноват, а так за свою доброту пострадал. Плачут детки, и жена не знает, что делать».

«Ничего, он долго там не будет, — утешал старец, — скоро вернется. — Батюшка сказал трижды, что придет да и будет верующим. — А вы хату заканчивайте, а крышу кройте не железом, а рубероидом, чтобы меньше зависти было. Они придут, посмотрят, да и уйдут».

И действительно, все слова Батюшкины сбылись. Имущество все осталось на месте; и сына оправдали. Он через три года вернулся. И стал верующим и пособоровался, и причастился.

«Заходила я к Батюшке да и решила спросить о своей младшей дочери И. «Батюшка, что мне делать со своей дочерью. Она у меня самая младшая, но какая-то такая, как бы мне не хотелось. Плачу я о ней день и ночь, чтоб Господь вразумил ее хоть немного, потому что она у меня совсем неразумная. В церковь мало ходит и то, когда умолишь со слезами. А еще в каком-то художественном кружке готовят для выступления «инсценировку» беседы «Евы с Богом». Я как послушала ее репетицию, то совсем занемогла от скорби, что все это ни на что не похоже. Только бесу служат да и все. Лучше бы мне ее похоронить, чем видеть такое кошунство», — так со слезами изливала я свою душу старцу о. Лаврентию. А Батюшка внимательно слушал мои слова, опустив голову. А потом поднял голову, улыбнулся да и говорит: «А ты не плачь так горько. Твоя плохая дочь И. будет лучше всех твоих детей. Она будет еще молитвенница за весь ваш род и за всех православных христиан. Она обратится к Богу и будет монахиней, как ты. И тебя досмотрит, и с честью похоронит, и будет молиться, и из-за нее другие будут молиться за тебя. А то дело, что они затеяли, разрушится и не будет доведено до конца. Ты молись, и я буду молиться», — сказал Батюшка и благословил меня большим крестом, от чего у меня родилась надежда на будущее.

И действительно, по Батюшкиным молитвам дело начало идти по-другому. В скором

времени заболела моя дочь И. сильно, забрали в больницу. Выдержала карантин, стала поправляться, заболела повторно тифом, чуть было душу Богу не отдала. И уже когда поправилась и вернулась домой, то я ее не узнала. Она изменилась телесно, а главное — стала хорошеть духовно. Моя старость нашла отраду, наблюдая, как моя дочь стала ходить в церковь, молиться дома, читать душеспасительные книги и вести совершенно иную жизнь. Я прославила Бога и великого старца отца Лаврентия».

Одна глубоковерующая женщина Е. рассказывала:

«Во время Отечественной войны получила я извещение, что сын погиб. Я как верующая мать решила «запечатать». Но мне приснился сон, что будто сын мне прекословит в чем-то и говорит: «не нужно, мама». Я со своим сомнением пришла к Батюшке о. Лаврентию спросить, что делать.

Батюшка сказал, что печатать не нужно. «Ты должна еще получить от него известие. А если второй раз будет извещение, тогда и запечатаешь», — так успокоил меня старец.

Его слова исполнились. Через некоторое время сын прислал письмо, что был ранен, а теперь опять посылают в бой, и не знает, вернется ли. Он не вернулся, а там и сложил свою голову. Пришло второе извещение, как и предсказал старец. Я со слезами пришла опять к Батюшке. Он благословил печатать. При выходе я встретила двух женщин, которые спешили к старцу. Я, любопытствуя, остановилась и услышала голос Батюшки: «Какой я вам «ворожбит»? Я не «ворожбит», я ничего не знаю. Иди доедай свои пампушки со свежей сметаной, а ко мне не обращайся». «Да я хочу знать за своего мужа», — оказала женщина. «Я ничего не знаю», — строго ответил Батюшка и закрыл дверь. Я потом узнала, что одна из этих женщин была совершенно не верующая и шла действительно как к «ворожбиту», так его и называла. Напекла «пампушек», взяла сметаны да по дороге их поела, приговаривая: «Что он там знает, сама поем». А Батюшка все прозрел и не принял ее».

«Дочь моя работает медсестрой, — рассказывала одна верующая женщина Батюшке. — Но она похоронила мужа и детей и находится в большом горе. А вера очень слабая. Часто заводит речь о самоубийстве, когда я помру. Я очень боюсь заранее. Прошу помолиться за нее, чтобы ее Господь вразумил, обратил ее душу».

«Она обратится в день твоей кончины, — сказал Батюшка, — похоронит тебя по-христиански, и помянет, и будет молиться за тебя».

Я поблагодарила старца и с радостной надеждой ушла от него».

«Когда умерла мать, — рассказывает дочь, о которой была речь выше, — я твердо решила покончить с собой, применив медицину. Я решила сделать себе соответствующий укол и усыпить себя навсегда. Когда мать мертвая лежала на одре, я взяла ампулу, шприц и подошла к одру матери, чтобы в последний раз взглянуть на нее и проститься. Только я нагнулась к ней, а ее мертвая, но еще не остывшая рука как хлопнет меня по рукам да так сильно, что все из рук упало и разбилось вдребезги. Я сильно испугалась и только воскликнула: «Мама, не буду больше!» И с этого времени как зажегся огонек в моем сердце. Так уж по молитвам старца да по милости Божией теплится и поныне. Я поняла цель своей жизни. Только каюсь слезно о своем прошлом и молюсь за свою спасительницу мать».

Так закончила свой рассказ уже глубоко верующая женщина.

Инокня М. вспоминала:

«Однажды мне выпала честь вести Батюшку под руку в церковь. А он такой слабый, идет да спотыкается. Я со всей силы держу его. Стало мне жаль нашего Батюшку да и думаю себе: «Была бы у меня такая мощь, взяла бы я дорогого Батюшку и отнесла на хоры и посадила бы за пульт, пусть бы управлял своим хором». Только я так подумала, а старец в ответ мне: «Эге, если была бы сила. Да силы нет. Спаси тебя Господь, что так подумала». Так старец Лаврентий прозрел мои помыслы.

Подошла я однажды к Батюшке, — продолжает сестра М., — спросить о своем брате. Дело было во время Отечественной войны. Он был взят на фронт. Долго не было никакого известия о нем. Кто-то пришел из товарищей и сказал, что он находится в плену у немцев в г. Гамбурге. Но тот город был сильно потом разрушен, и много людей погибло... И, потеряв всякую надежду на жизнь брата, мы решили обратиться к старцу. Я со слезами объяснила ему свое горе. Батюшка надел епитрахиль, помолился, посмотрел вперед пристально, вроде всматриваясь во что-то, да и говорит: «Ты права, что все разбито, ничего не осталось. Американцы всех забрали в плен. Но брат твой живой».

Позже мы действительно узнали, что он жив и все так произошло, как говорил великий старец Лаврентий».

«В монастырь я ушла совсем еще молоденькой девушкой, лет восемнадцати, — вспоминает о себе воспитанница о. Лаврентия м. М., — была очень ревностной, решила своим даром голоса послужить Богу. В один из праздничных дней подозвал меня Батюшка к себе да и говорит: «Вот внимательно послушай, что я скажу тебе. Жизнь человека бывает такая, как взять кусок веревочки и завязать на ней три узла отдельно один от другого, то есть поделить на три части. Первая — это пылкая юность, когда человек живет с Богом и только ему служит. Вторая — это средние года, когда у человека бывает такой напор от врага (по поущению Божию), что он отказывается от Бога, не словом, а делами, и живет как неверующий. Третий — преклонный возраст, когда человек приходит в себя, чистосердечно раскаивается и опять живет с сильной ревностью к Богу, как в юности». Я умилилась от этого рассказа, заплакала, но своего не избежала. Все это исполнилось с моей мятежной душой. Я часто со слезами вспоминала роковые слова великого старца».

«Во время немецкой оккупации я получила повестку ехать в Германию. Расстроенная, я побежала к Батюшке, — вспоминает м. А., — который успокоил меня словами: «А там ты не нужна, а здесь нужна. Успокойся, никто из моих чад никуда не поедет. Будешь здесь». Назавтра я, надеясь на милость Божию да на Батюшкины молитвы, пошла на «пункт», а со мной еще трое. Тех троих «забраковали» сразу, а меня оставили (на вид я была молодая, высокая). Закрыли меня в отдельное помещение в ожидании комиссии. Я твердо надеялась на Батюшкины молитвы и верила его словам, что я никуда не поеду. А сама сильно молилась и клала множество поклонов, так, что стало мне не по себе: сильно билось сердце и сама не могла стоять на ногах. В это время открыли дверь, чтобы я шла к врачу на проверку. Немец как взглянул на меня, то громко закричал: «Weg!» «Негодна», — сказал врач и меня отправили домой.

Я с радостью прославила Бога и Его служителя о. Лаврентия».

«Была я у о. Лаврентия по какому-то делу, а он спросил о моем здоровье. Я поблагодарила да и говорю, что все хорошо, — рассказывала та же м. А.

«А мне твое здоровье не нравится, — возразил Батюшка, — ведь ты больная». Я опять утвердительно ответила, что все в порядке.

Прошло время, и я почувствовала колотье в лопатке. Пошла с жалобой к Батюшке. Он

сказал: «У тебя легкие больные. Пей сок бураковый».

Я стала применять его лекарство, но организм никак не принимал его: позыв на рвоту не давал мне проглотить и глоток сока. Я со своим лекарством пришла к Батюшке и жалуясь, что не могу пить. Старец надел епитрахиль, помолился, перекрестил сосуд с лекарством, выпил сам половину, а остальное подал мне. Я как поднесла ко рту, так у меня опять позыв на рвоту. Батюшка сказал оставить это лекарство. Назначил другое: алоэ с маслом и медом перетопить и по столовой ложке принимать три раза в день.

Я натопила целую банку лекарства, но принимать опять не могла. Со слезами пришла опять к Батюшке просить помощи. Он надел епитрахиль, помолился и ложку себе, а ложку мне, и ласково приговаривал: «не нужно рвать, не нужно».

И понемногу я стала глотать, и со временем привыкла, и употребила все лекарство, и сама поправилась, и живу до сего дня, не жалуясь на легкие. Так мне помог этот великий старец своей любовью да святыми молитвами», — закончила свой рассказ м. А.

Рассказывала м. А. о своем прошлом:

«Были тяжелые годы Отечественной войны. Мне было 15 лет. Люди, как овцы, искали пастырей: ходили в Чернигов на богомолье в Троицкий женский монастырь, основателем которого был всем известный старец о. Лаврентий, у которого и находили все утешение в эту трудную годину жизни.

Я была совершенно духовно заброшенная девочка, очень быстрая и большая проказница. Но в меня закралась искра любопытства сходить в Чернигов в монастырь и присмотреться к жизни насельниц его.

И когда люди верующие собрались идти, решила и я следовать за ними пешком 45-километровую дорогу. Прибыв в Троицкий монастырь, мы поместились по келиям знакомых матушек. Насладив душу прекрасным пением и молитвой (в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Феодосия), мои паломницы, которых было человек 20, благоговейно собрались уходить домой, побывав не раз у Батюшки на утешительной беседе и, конечно, на исповеди. Я была лишена всего этого, а только молча наблюдала, как они стоваривались идти за напутственным благословением к старцу, а меня оставляли сзади незамеченной. Это меня огорчило, но я держала себя, как могла. Одна матушка — Аполлинария имя ее (упокой, Господи, душу ее) — заметила мое смущение и пригласила следовать за ней. Мы подходили последними. Когда я подошла за благословением, Батюшка положил свою руку мне на голову, поцеловал меня в голову и ласково произнес: «Вот умница, что пришла! Походишь и будешь наша». Благословил меня большой просфорой, а всех — крестиками.

На меня напал какой-то неведомый мне доселе радостный трепет. С этого момента я начала как бы духовно формироваться. Начала ходить в церковь, петь на клиросе. Меня тянуло в Чернигов, где я устроилась со временем на работу. Жила в монастыре и руководилась Батюшкой.

Однажды мой начальник по работе предложил мне переходить в школу ФЗО. Я спросила у Батюшки, как быть. Батюшка утвердительно сказал: «Валяя! Беги бегом и переходи в школу!» Я, получив благословение, не спеша отошла. А Батюшка все свое: «Я тебе сказал: беги бегом!» Ощувив какое-то беспокойство на душе, я немедленно прибежала к начальнику и изъявила свое желание поступить в школу.

Недели через три пришел приказ нашему участку выехать на Урал в Свердловскую

область. Все мои сотрудники уехали, а я осталась на месте. Тогда я поняла, почему Батюшка сказал мне «бежать».

Рассказ той же.

«Живя в монастыре и выполняя монастырские послушания, я работала на производстве. По какому-то случаю мне нужно было съездить домой в село к матери. Директор отпустил, а матушка игуменья Антония не благословляла ехать. Тогда я уехала самовольно. Пробыв три дня, я вернулась. Но м. игуменья за «самочинство» велела мне уходить из монастыря и немедленно освободить келию. Я просила прощения со слезами, падая в ноги, несколько раз повторяя. Но матушка была очень строгая и не хотела со мной разговаривать, а только грозно повторяла свой приказ: «Убирайся вон!»

И я, связав свои вещи в узлы, решила уходить из монастыря, забыв даже взять благословение у Батюшки. Но мать благочинная, увидев мои узлы, спросила, брала ли я благословение у Батюшки на уход из монастыря. Я ответила, что нет. Она немедленно направила меня к Батюшке, которому я рассказала слезно о своем горе и своем намерении.

Старец Лаврентий выслушал меня внимательно и дал такой назидательный ответ: «Вот смотри, когда лежит на дороге кусок древесины (палка) кривой, суковатый, ее все переступают, обходят, она никому не нужна. А когда хороший столяр поднимет ее, даст ей соответствующую обработку, тогда эта палка или какая-нибудь деталь всем нужна, каждый хотел бы взять ее. Иди еще раз попроси прощения, если не простит, тогда уйдешь на квартиру».

Я взяла благословение, попросила святых молитв у старца и со страхом еще раз подошла к матушке игуменье. На этот раз гнев был переложен на милость по молитвам великого старца Лаврентия. Матушка расположилась ко мне, простила, напутствовал меня душеспасительной беседой».

«Однажды вызывает меня владыка Борис, — рассказывала ин. А., — и предлагает увольняться с работы, рассчитывать, чтобы помогать ему.

Я спросила у Батюшки. Он не благословил уходить с работы, а сказал: «Как говорится, нужно еще поработать». А с работы тогда было трудно уйти.

Владыка Б. взял мой адрес и сказал, что сам заедет к директору. А Батюшка на это ответил: «Если заедет, тогда и будет дело, а пока работай». Владыка Б. три раза брал адрес и три раза терял его. А когда уехал владыка Б., то Батюшка при встрече спросил меня: «Ты ушла с работы?»

«Нет», — ответила я. «А почему нет? Ведь здесь много работы, нужно здесь работать», — сказал Батюшка.

Я немедленно уволилась с работы. Тогда я поняла, почему Батюшка не разрешил уходить с работы, — потому что тогда бы владыка Борис забрал меня с собой».

«Послушания у меня были разные, — продолжает свои воспоминания ин. А., — но больше я работала по ремонту и строительству. Однажды я подошла к Батюшке за благословением лезть на купол. А Батюшка и говорит: «Купол-то, как говорится, куполом, а вот как ты с правилом справляешься? Читаешь правило?» К моему стыду, я не всегда выполняла правило: поэтому я промолчала на этот вопрос. А Батюшка строго и громко сказал: «Я тебя спрашиваю, ты канон читаешь? Нужно читать правило», —

еще раз повторил старец.

В другой раз брала у Батюшки благословение лезть на купол, а он спросил: «А ноты ты знаешь? Нужно учить ноты, потому что пение в церкви — это самое дорогое послушание. Матерь Божия любит певчих».

И почти всегда вспоминал Батюшка о пении. Он благословлял всех ходить на клирос, даже «безголосых» и «бесслухих», но по его молитвам они приучались петь. Мне казалось, что я одна из таковых, но по его святым молитвам я ходила на клирос и пела».

«Заболел мой брат от испуга пожара и так сильно, что лежал на одре. Мать послала меня к Батюшке о. Лаврентию за благословением обратиться к «шептухе». Она, дескать, молится, читает молитвы и помогает.

Я пришла к нему и рассказала о своей горе и что мать предлагает делать. А Батюшка говорит: «Она-то молится да, как говорится, одно словцо вбросит и пропадет вся ее молитва. Вот как возьми бочку меда да смешай с ложкой дегтя, то есть и не будешь».

«А что же делать с братом?» — спросила я. «А ты пойди, помолись святителю Феодосию, Черниговскому чудотворцу, он и поправится», — сказал о. Лаврентий. «Батюшка, я ведь не умею молиться», — возразила я. «А ты скажи: "Отче святителю Феодосие, исцели моего брата". Как его звать?» «Николай», — сказала я. Он назвал это имя и благословил меня.

На другой день в семь часов утра я поспешила к гробнице святителя Феодосия и сделала так, как научил меня старец. Когда я вернулась домой, то мать мне рассказала, что ровно в семь часов утра проснулся брат Н. и попросил есть. С того дня он стал поправляться. По молитвам старца Лаврентия болезнь его оставила», — так закончила этот рассказ ин. А.

«Был такой обычай у нас в монастыре, — рассказывала ин. А. дальше — Именинницы в день своего Ангела причащались Святых Тайн, потом брали просфору и шли к Батюшке. Он отламывал маленький кусочек и поздравлял с днем Ангела. Часто оставлял именинниц разделить трапезу. И вот один раз мне пришлось быть на такой трапезе. Нас было человек 12. Батюшка кушал из маленького черепяного горшочка круглой деревянной ложкой. Это была его собственность. Вдруг Батюшка поднимает голову и говорит, обращаясь к матушке келейнице П., она подавала на стол: «Пойди, посмотри, там кто-то пришел, пусть зайдет сюда».

Матушка П. посмотрела, увидела женщину, которая стояла и сильно плакала, и просила пропустить к Батюшке. Но матушка П., жалея старца, сказала: «Когда Батюшка покушает, тогда пройдет. Он вас сейчас не примет». Но женщина продолжала плакать. А Батюшке м. П. сказала: «Обедайте, Батюшка, там никого нет».

Отец Лаврентий взял несколько ложек своей похлебки из горшочка, повернул голову и опять говорит: «Там, как говорится, кто-то пришел, позови ее». «Да нет там никого, обедайте спокойно», — настаивала на своем м. П. Батюшка взял еще ложку, потом расстроено положил ложку на стол и громко произнес: «Я тебе сказал, что там стоит женщина и плачет, пойди, приведи ее». И сам приподнялся с места, как бы встречая плачущую.

Перед нами появилась женщина средних лет, которая сильно плакала. По-видимому, великое горе привело ее сюда. Батюшка провел ее в свою келию, побеседовал, и минут через десять женщина вышла совершенно другой, с улыбкой радостно поклонилась и

ушла.

А Батюшка сел за стол да и говорит матушке П.: «Если ты видела, что плачет человек, как ты могла кушать?»

Вот такой был великий старец Лаврентий, что все мог видеть. Я была этому свидетель в день моего Ангела Симеона Богоприимца и прор. Анны».

У Батюшки была безграничная любовь к людям. Однажды зашел к Батюшке Пимен Никитич, который жил рядом с монастырем. Он был верующий мастеровой мужик. Он принес свою скрипку и хотел показать свое искусство. Начал играть псалмы. Но у него хорошо не получалось. Он нервничал, расстраивался. Батюшка заметил это да и говорит: «А ну, давай, заиграй "Казачка". Эта вещь зазвучала у него отлично. Похвалил его Батюшка, и тот с радостью ушел домой.

Батюшка часто плакал — и во время молитвы, и во время пения. Не раз слезно повторял такие слова: «Здесь, на этом свете, Господь даровал каждому человеку свободу. Он может слушать пение, наслаждаясь им, хвалить Господа устами и сердцем. А в будущей жизни будет не так. Только тот будет слушать и наслаждаться, кого Господь сподобит, потому что многие за свою грешную и нерадивую жизнь лишатся этого навеки».

Когда рукополагали во священники, Батюшка обливался слезами. Его однажды спросили сестры, почему он так плачет. Батюшка ответил, что многие и многие погибли из этих священников за свою небрежность и нерадивую жизнь духовную. Они не будут думать о своем спасении, а тем более о других.

Но священника о. Димитрия, который был в то время настоятелем Троицкого храма, он одобрял за его искренние проповеди, наставления и правильные исповеди и говорил, что он за свое усердие не будет отвечать перед Богом за своих чад. И Господь его спасет. Он потом был рукоположен во архиепископа и до конца своей жизни был большим ревнителем благочестия.

При владыке Борисе была возможность тайно брать подьястики в мир, если Батюшка на это давал благословение.

Одна женщина, получив «извещение» о смерти мужа, в скорби пришла к старцу о. Лаврентию за благословением на подьястик. А Батюшка ей: «Да, как говорится, когда придет твой... как его звать, Василь? — (женщина утвердительно кивнула головой) — Вот, когда придет Василь, что тогда будем делать?» «Да он не придет, он погиб... Я получила "извещение"», — со слезами сказала женщина. «Да, да, а если придет? Тогда что же делать? Нельзя, лучше подождать», — твердо настоял на своем Батюшка.

И действительно, предсказание старца исполнилось. В скором времени пришел муж этой женщины, и она стала жить семейной жизнью.

«Во время моей жизни в монастыре пришла мне греховная мысль: «Как Бог узнает грехи всего человечества? Ведь умерло неисчислимое количество людей и сейчас умирает, и будет умирать? Как же сможет Господь определить каждого, кто в чем грешен?»

И вот однажды я вижу такой сон, — рассказывает о себе ин. А. — Иду я по улице незнакомого мне города и захожу в большое здание. Внутри здания — большая церковь, вроде собора. Прямо передо мной — алтарь. Царские врата раскрыты. В

алтаре яркий свет — белый, посреди престол — тоже светлый, как бы хрустальный.

На правую сторону посмотрела я и увидела длинный зал, похожий на трапезную.

Вдруг в этом зале появились трое, то есть душу ведут два Ангела в виде иподиаконов. Мне будто кто-то говорит: «Смотри, это ведут праведную душу». Душа эта казалась мне девочкой лет 15—16. Она была светлая, как бы прозрачная, на голове платочек беленький, в руках зажженная свеча. Подойдя к алтарю, иподиаконы остановились, девочка поклонилась, и вошли все они в Царские врата. Мне кто-то говорит: «Эту душу повели в рай». Они повернули на правую сторону, и мне стало их видно. Потом я поворачиваю голову и смотрю в тот самый зал. Вижу опять идут трое. Два иподиакона, а посередине девочка, но вся черная, и по ней как бы написаны тонкие полоски, молниеобразные. Мне кто-то говорит: «Это ведут грешную душу». Ее доводят до алтаря и вводят в врата рая и поворачивают направо.

Я смутилась, что и грешную душу повели туда же, и мне захотелось пойти вслед и посмотреть, какой рай. Прижавшись к стене за спиной иподиаконов, я забежала на правую сторону, но увидела только стволы деревьев, которые были, как хрусталь, белого цвета.

Потом я остановилась и, подняв голову, посмотрела через плечо одного из этих юношей и увидела большой обрыв, который закрывался небольшими дверцами. И мне кто-то говорит, что там ад. Вдруг меня заметили эти юноши и строго спросили: «А ты чего здесь?» «Я хочу посмотреть», — сказала я робко. — «Тебе нельзя смотреть. Уходи сейчас же отсюда!» — строго сказали мне юноши.

Я только повернулась уходить, как услышала неистовый крик грешницы: «Ай-ай-ай!», который сразу стих. Я в испуге выбежала на прежнее место в церковь, повернулась и увидела Божию Матерь, которая выходила с левой стороны алтаря. На правой руке она держала Богомладенца. Матерь Божия была видна мне сбоку, а Богомладенец сзади. Одежда была на ней вся золотая. А алтарный свет был белокристальный. И было сильное отражение золотой одежды на белом кристалле. От сияния всей этой славы я упала на колени и молитвенно произнесла: «Пресвятая Богородица, спаси меня!» И проснулась в большом страхе.

Наутро я побежала к Батюшке и рассказала свой сон. «Это тебе Господь открыл, — сказал старец, — чтобы ты никогда не думала, что Господь будет разбираться, кто, когда и чем грешил. Каждый человек добрыми делами и молитвою очищает себя и становится светлым, как эта душа, которую ты видела праведною. А грехи человека делают его черным: так загрязняют его, что он делается как смола черным. И не нужно допрашивать, чем он согрешил: на нем все будет видно, и он сам себя осудит. От дел своих оправдаешься и от дел своих осудишься». Так разъяснил мне старец это сновидение».

«Приснился мне сон, — рассказывала духовная дочь о. Лаврентия с. А., — нахожусь я вроде как не на земле и слышу необыкновенно красивое пение «Приидите, поклонимся» и «Господи, помилуй», и так мне было приятно и радостно на душе. Я проснулась да и размышляю, чтобы не от врага это было.

Утром побежала к Батюшке. А он радостно меня встретил да и говорит: «Вот и хорошо, что ты пришла. Давай запишем, что ты сама слышала?» Я испугалась от неожиданности да думаю, может, это прелесть бесовская. А Батюшка свое твердит: «Девчата, давайте скорее ноты писать будем. Ну пой, пой, как ты слышала?» А я все забыла, ничего не могла воспроизвести из слышанного во сне. Батюшка поднял глаза кверху и начал молиться, чтобы мне Господь помог. И я стала припоминать и пропела,

и Батюшка записал. А сестры спросили, зачем? Он ответил: «Еще будут церкви и монастыри. И у нас будет монастырь, и будем петь». И действительно, все это исполнилось, и я потом слышала в исполнении Батюшкиного хора это песнопение, которое я, грешная, по молитвам старца, слышала во сне».

«В другой раз по молитвам старца я видела во сне нечто необыкновенное. Вижу прекрасные врата, все в золоте с белым сиянием. Вокруг ограда огненная. За оградой много людей стоит, но их не пускают в середину. Около врат стоит привратник с крыльями и никого не пускает. Я со страхом подошла к нему, он пропустил меня, сказав: «Иди».

Я зашла в прекрасный как бы сад, где было много прекрасных деревьев и цветов. Я заметила прекрасные лилии, которые сильно благоухали. Юноша сказал мне, что это рай: «Хорошо, что тебе разрешили войти сюда». Я спросила: «А что это за люди стоят вокруг ограды и не могут войти сюда?» «Эти люди будут стоять до второго Пришествия, а потом их определит Господь», — ответил мне юноша.

Я вдыхала в себя этот аромат, так что даже родители слышали мое странное поведение во сне. Когда я проснулась, то этот аромат мне ясно ощущался вокруг. Мне казалось, что и одеяло мое пахнет, и одежда, которая на мне. Я испугалась и с большим недоверием отнеслась к этому сновидению. Никому ничего не смела рассказывать, а при первом случае дня через два прибыла к Батюшке, вся взволнованная, чтобы происповедоваться ввиду вражеского наваждения. А Батюшка мне навстречу вышел такой радостный да и говорит своей духовной сестре: «Елена, давай фасоль на стол, да садитесь все, будем слушать Г. за рай... Ну, рассказывай, что ты там видела? Дома боялась рассказывать, так нам расскажи!»

Я стала отговариваться, что, дескать, я недостойна видеть рай. Это от врага. «От какого такого врага. Говорю, рассказывай», — строго сказал старец. И я что смогла по-человечески рассказала. Но всего того нельзя было передать, только можно чувствовать. Батюшка был доволен и сказал: «Вот так и есть! И нужно рассказывать! А другому приснился ад, где его поводят, и то нужно рассказывать. Все это для вразумления», — заключил старец. Я поняла, что все это по молитвам старца».

«Прошел год, — продолжает свой рассказ инокиня А., — и мать отпустила со слезами меня в монастырь.

Идем мы вдвоем с подругой, сестрой М., а я и думаю по дороге: «Марию-то возьмут, а меня, такую некрасивую да неуклюжую, наверное, нет».

Пришли к Батюшке, упали ему в ноги, просимся принять в монастырь. А старец улыбнулся да и говорит. «Наша игуменья любит интересных. И здесь много работы. А вы лучше идите в Домницу. Там вас матушка игуменья примет с распростертыми руками. А потом вы вернетесь и сюда, но уже будете людьми, будете уметь петь и читать. Идите быстрее».

Мы взяли благословение и думали сесть на попутную машину. А Батюшка говорит: «Вы катером по воде. Идите, за оградой вас ожидают попутчики». Мы, ничего не понимая, быстро вышли за ограду. А там о. Никифор и несколько сестер тоже собрались в Домницкий монастырь. И вот они и нас забрали с собой, и мы действительно «катером» добрались до Домницкого монастыря. Прибыв на место, они пошли вперед, а мы вдвоем шли со страхом да думали, как будет наше дело.

Вдруг у ворот монастыря стоит матушка игуменья и спрашивает нас, кто мы такие и чего хотим. Мы ответили, что нам нужна матушка игуменья. «А что, вы хотите в

монастырь?» — спросила игуменя. «Да», — робко ответили мы. «Так я вас приму с распростертыми руками», — радостно сказала матушка игуменя и протянула нам свои старческие руки. Мы со слезами радости бросились ей в ноги и рассказали, как старец Лаврентий послал нас в этот монастырь и сказал те же слова, которые произнесла матушка игуменя при встрече нас.

По Батюшкиным молитвам нас обеих благословили на клирос петь, где мы постепенно обучались этому искусству духовному.

Через некоторое время исполнилось прозрение Батюшки, нас действительно перевели в Троицкий монастырь, где мы завершили свой молитвенный путь. И я лично на себе испытала всю силу молитв этого великого старца нашего времени».

«После смерти Батюшки, в одну из родительских суббот, — рассказывает м. Е., — отстояв заупокойную литургию, я решила пойти на базар, упустив заупокойную службу. Вернувшись, легла я отдохнуть. Вижу во сне Батюшку, который идет один. Я подбежала с радостью за благословением. А он спрашивает: «А где ты была? Я смотрел, смотрел и никого не видел. Все разбрелись, кто куда. Ты по базару «лазила». Теперь иди зови всех на обед». Я пошла звать и проснулась. Мне стало стыдно за себя и за других, что мы со своей житейской суетой оскорбляем память старца. И я мысленно каялась и пообещала больше никогда не нарушать церковного устава своим отсутствием».

«Мне вспомнился случай из жизни, который для меня очень важный, он говорит о высокой жизни старца о. Лаврентия, которого я чту как великого прозорливца.

В кафедральном Преображенском соборе была торжественная служба в честь праздника свят. Феодосия, где участвовал монашеский женский хор Троицкого монастыря во главе с регентом о. Лаврентием.

Я готовилась причаститься Святых Тайн. С трудом пробралась в конце Литургии к старцу о. Лаврентию, чтобы поисповедоваться. «Ты инокиня?» — спросил Батюшка. «Нет, я мирянка», — тихо ответила я. При разрешительной молитве он назвал монахиней и сказал то имя, которое я ношу теперь как тайная монахиня». (Рассказывала с. А.)

«К Батюшке о. Лаврентию я ходила часто и получала духовное удовлетворение, а спросить о чем-либо не умела. Мне казалось, что Батюшка всегда будет с нами и всегда нам будет хорошо. И вдруг Батюшки не стало с нами. На душе у меня была непроглядная тьма, стало томить такое уныние, что я погибала от скорби: как спастись? Во сне я вижу Батюшку. Упала ему в ноги и слезно спрашиваю: «Батюшка, я погибаю! Как мне избавиться от томления душевного?»

«Исповедь и Причащение — в этом спасение. Вот видишь три дороги? А ты иди средней (прямой) и спасешься», — сказал мне строго старец.

Я проснулась с большим облегчением. И поныне я в душе ношу это утешительное слово старца Лаврентия». (Рассказывала о себе боголюбивая с. А.)

«Я готовился быть священником и пришел за благословением к Батюшке о. Лаврентию. Он помолился и благословил открыть Евангелие и прочесть. Я раскрыл и прочел евангелиста Матфея, как юноша просил Господа как ему спастись, а Господь ответил: возлюби Господа всем сердцем твоим, всею душою твоею и ближнего твоего, как самого себя. И Батюшка остановил меня и сказал: «Вот таким должен быть священник и будет хорошо».

Я свято храню в душе эти слова великого старца», — так рассказывал о себе свящ. П-р.

Пришла одна духовная тайная дочь к Батюшке с жалобой, что другая такая же дочь вышла замуж («приняла примака»). Батюшка опечалился очень, сказал: «Что же она сделала? Ай-ай! Жаль». А потом, помолчав немного, сказал: «Через три месяца его не будет, а она пойдет на покаяние».

И действительно, так и произошло, что он через три месяца ушел, так как она стала говорить ему о религии. Он не вынес этого и оставил ее на покаяние. Так исполнились слова старца.

«Моя мать сильно болела (легкими), уже никто не надеялся на ее выздоровление. Все приготовили к смерти, а также и ее саму. Отец послал меня к старцу Лаврентию. Я пошла, со слезами рассказала свою скорбь. Он выслушал меня, опустив голову, а потом утешил меня, сказав: «Нет, не умрет твоя мать, она еще долго будет жить, переживет и отца». И действительно, по святым молитвам старца мать поправилась и жила до 90 лет», — рассказывала боголюбивая женщина М.

«За весь период Отечественной войны ничего не было слышно о муже. По окончании войны я пошла к Батюшке спросить, как молиться мне о нем. Батюшка сказал: «Запечатая и молись за упокой». Я ответила, что не присылали извещения. «Не присылали, так еще пришлют. А сделай, как я сказал». Я неохотно все сделала, а через год получила извещение о смерти. Я пришла и поблагодарила старца за его прозорливость». (Боголюбивая с. А-на.)

«Пошла я к Батюшке за благословением, чтобы поехать срочно к сыну. Батюшка резко сказал, что сегодня ехать нельзя. Я настаивала, потому что так договорились. И я прямо умоляла Батюшку. «Мое не поможет, — строго ответил старец, — поедешь завтра. Один выход». Я неохотно согласилась и послушалась Батюшку, отложив поездку до завтра. Потом узнала, что в тот день была авария. И я по молитвам старца осталась жива. По приезде я пошла поблагодарить Батюшку за его любовь к грешным людям». (Так рассказала о себе С. М.)

«Во время Отечественной войны я еще был малолетним мальчиком и шел с матерью по улице. А чужой мальчик голодный украл хлеб у немца и бежал рядом, а немец за нами. Мальчик испугался и спрятался за юбку моей матери. Немец стал стрелять и убил мальчика и мою мать. Я с перепугу забрался на забор и остался жив, но без матери. На свое попечение взяла меня тетя, которая была глубоко верующая женщина. Она водила меня по церквям. Однажды привела меня к о. Лаврентию. Он благословил меня, погладил по голове и ласково произнес: «Это монах пришел. Когда будешь в Киеве, то молись. Будешь ты круглым сиротой, но Господь тебя не оставит».

И действительно, в скором времени убили отца, и я остался сиротой.

Мне нравилось ходить в церковь. Стал подрастать и пришел к Батюшке, который меня благословил ехать в Киев со словами: «Езжай в Киев, там будешь при трапезной и будешь понемногу обучаться пению».

Послушался я Батюшку и поехал, как он мне сказал, и прожил до 16 лет. А потом нужен был паспорт. Для этого нужны были справки из дома. Я поехал домой в село, а они и слушать не захотели о справках, а оставляли меня жить и работать в колхозе.

Я пришел за советом к Батюшке. Он благословил еще немного пожить в Киеве. Пожил я с полгода, опять отправляют меня домой за справками. Я приезжал домой, но

безуспешно, и решил остаться в колхозе.

Пошел к Батюшке, его вели из церкви. Я поклонился старцу и рассказал ему свое решение остаться в селе, работать в колхозе. «Ты уже монах. Тебе нельзя здесь. Ты спеша, он тебе «справочку» напишет, ему вечером делать нечего будет», — сказал о. Лаврентий. «Батюшка, я только оттуда», — возразил я. «Ну, езжай, я помолюсь, и он даст», — сказал старец.

Я пошел наутро, а председатель ласково мне ответил, что он вчера вечером решил написать, так как делать было нечего. «Бери справку да езжай куда хочешь», — ответил он, подавая справку мне. Я со справкой пришел к Батюшке благодарить за молитвы. «Ну вот, езжай в Киев, там тебе дадут срочный паспорт. Да еще будешь и священником», — сказал мне Батюшка Лаврентий и благословил меня великим крестом.

Когда я приехал в Киев со справками, то в милиции стали уговаривать меня оставить этот путь жизни и поступить к ним на работу и заинтересовались, что заставило меня идти в монастырь. Я им рассказал трагические моменты из моей жизни, что привело меня к истинной вере в Бога, и они не стали прекословить мне и дали мне срочный паспорт.

По молитвам старца Лаврентия я потом был рукоположен во священника. И теперь я всегда молюсь и благодарю Бога, что Он послал мне в жизни такого великого путеводителя старца отца Лаврентия». (Иер. А-й.)

В селе Карильском (на родине Батюшки) живет священник иером. Феодосии (72 г.), который хорошо знал Батюшку о. Лаврентия, с его благословения он женился на сельской девушке Марии и получил послушание «не касаться жены». Потом Батюшка благословил рукоположиться во диакона, а во время войны Отечественной во священника.

Ему пришлось перенести тяжелый крест заключения (10 лет). Сейчас он живет в своем селе с супругой — сестрой, прихода не имеет, а помогает читать «записочки» при проскомидии, кто им не гнушается. Живет в большой нестяжательности, в поношении и унижении, чем заслуживает любовь и умиление у верующего человека. Мы побывали в этом семействе и получили тайное (внутреннее) назидание для себя.

Вот небольшой рассказ супруги о. Феодосия (с. Марии было 66 лет).

«Родилась я в бедной семье в селе Карильском. Нас было пятеро детей. Отец уехал «на переселение». Я была старшая в семье, но была непривитая духовно, как зеленая ветка без плодов. Была простая, честная девушка. Когда пришла пора выходить замуж, жребии жизненный мне выпал на Феодосия, который мне очень нравился, но у него была запутанная ситуация со старшей сестрой, так что мне получился крест на всю жизнь. Она меня органически и духовно не могла сносить", и дело дошло до того, что я оставила супруга и ушла...

Через некоторое время Феодосии пошел к Батюшке и похвалился своей бедой. Старец строго приказал: «Сейчас же забери ее домой, а то будете вы через нее в аду». Со временем он забрал меня, и мы теперь живем под одним кровом. Во время войны мы жили в монастыре, он был огородником, а я на кухне. И там я выучилась читать и немного в уставе разбираться и теперь помогаю своему батюшке в домашней молитве». (Записано в с. Карильском.)

Одна девушка вышла замуж (повенчалась). Батюшка приехал в село из монастыря,

ему рассказали об этом. Он, увидев ее, спросил: «Зачем выходила замуж? Не нужно было». «Да я венчана, то уж буду жить», — ответила односельчанка. Но жизнь ее была очень неудачная и тяжелая, о чем и предостерег ее еще молодой в то время старец.

Когда был Батюшка о. Лаврентий еще юношей и жил в родном своем доме, то рассказывал своей невестке Марии, жене брата Варфоломея: «Как трудно жить на свете христианину. Бес не дает покоя. Я иду вечером, а он рядом со мной. Я крещусь и сам, и все вокруг, а он отступит да и опять приблизится».

Батюшка выучился портняжничать и часто шил у людей заказы. «Сижу, шью, а «он» (бес) под столом лежит. Я не выдержал да и говорю хозяину: «Ты видишь, кто под столом лежит?» «А кто?» — испуганно спросил хозяин. «Бес лежит, разве не видишь?»

Один мужчина из с. Карильского был пономарем в церкви, а потом изъявил желание быть священником. Пришел к Батюшке о. Лаврентию за благословением. А Батюшка взялся за голову да и говорит: «Уже ад полон таких». И тот ушел ни с чем.

«Эге, вот и хорошо, что пришла, будешь читать и петь на клиросе — сказал Батюшка о. Лаврентий м. А., когда она обратилась к нему впервые по вопросу принятия в монастырь, — там тебя научат и сделают из тебя человека», — заключил старец. «Батюшка, я хоть и не умею ни читать, ни петь, но хочу научиться и прошу ваших святых молитв и благословения», — ответила я и поехала в Домницу. Там меня приняли, матушка игуменя благословила читать на клиросе, и я стала приучаться петь. По молитвам старца я и до сих пор читаю и пою в своем храме». (М. А-са.)

«Я стала ходить на клирос, — рассказала И. Н., — но у меня плохо шло дело с пением. Никак не давалось. Меня «тусали» туда и сюда. Никто не хотел приютить или дружелюбно отнестись как к новичку. Я устала от такой обстановки и решила оставить клирос. Был какой-то праздник, я встала незаметно под стеной, в уголок. Вижу мимо прошел Батюшка, я поклонилась и продолжала стоять. Батюшка дошел до алтаря, потом вернулся, подошел ко мне и строго спросил: «А ты чего здесь стоишь?» Я начала плакать, что я неспособна и только мешаю всем. «Сейчас же на клирос», — строго сказал Батюшка. Я поклонилась старцу и бегом побежала на свое место. И с этого времени по молитвам Батюшки дело начало спориться, и я уже никогда не оставляла своего благословения. И сейчас мы поем в своем храме».

Началась война Отечественная 1941 года. Пришел к Батюшке один верующий мужчина К-ма за благословением идти на фронт, так как на днях должен был получить повестку. «С Богом всюду хорошо, — сказал старец. — Когда получишь повестку, то зайди ко мне».

«Я так и сделал, — рассказывал К-ма. — Получил повестку, пошел к Батюшке, чтобы взять благословение. Батюшка был болен в тот день. Доложили обо мне. Ввиду срочного дела, как исключение, разрешил Батюшка войти к нему. Когда я вошел, Батюшка совсем больной поднялся с постели, благословил меня, надел епитрахиль, помолился и говорит: «Будь всегда с Богом, и с тобой будет Ангел Хранитель, который будет тебя крылами покрывать от пуль со всех сторон. А ты не сомневайся и ничего не бойся. Старайся в плен не попасть к врагу, потому что гибнут там. И всюду будь первым в деле помощи ближнему. Если что будут возражать товарищи, скажи, что так велело начальство. И главное — не бойся. Тебя ничто не возьмет». Так увещевал старец меня на прощанье, благословил большим крестом и просфорой, отпустил на брань с врагом.

Я был в большом недоумении от слов старца, надеялся только на его святые молитвы да на Божью милость и на Его Всемогущую силу ко мне немощному и грешному. И

когда нас послали в бой, тогда я ощутил на себе величайшую чудодейственную силу. Вокруг обстрел, пули, как дождь, а я ползу смело, таскаю раненых на пункт, помогаю товарищам с великодушной любовью, и меня ничего не брало. Прошел всю войну и не получил ни одного ранения, даже ни одной царапины. Может, кто из читающих усомнится, то можете спросить меня, я еще жив... Потом, по окончании войны, вернулся домой и сразу же пошел к Батюшке, упал ему в ноги и слезно благодарил за святые молитвы и рассказал старцу о дивных делах, какие я испытал, будучи немощным человеком, на себе. «Верить нужно и не сомневаться, — сказал старец, — то увидишь и почувствуешь еще большее: то, что на небе, и то, что во аде».

После войны Батюшка благословил ходить мне на клирос. Я немного походил, а потом начал охладевать... Стал реже встречать Батюшку. Пришла мне мысль жениться, но это я скрывал, а в тайне хранил, чтоб никто, дескать, не помешал...

Две сестры были в монастыре. Но я им не признался. Сказал старшей сестре, которая жила в доме. Она также вовремя не сказала Батюшке. И я обошел старца, женился по своей воле. Об этом услышал Батюшка, велел прийти к нему. Я смущенно переступил порог старца, а он и говорит: «Ай-я-яй! Ну, ладно, живи! А когда заболит, тогда жить не будешь с ней. Все равно будешь монахом».

И началась моя мучительная, томительная, 70 раз седмерицею неудачная семейная жизнь. Совсем недолго прожил я со здоровой женой (лет 5), а потом она стала душевно больной женщиной, совершенно не пригодной к семейной жизни. И мне самому нужно было все делать да еще и с ней возиться лет 30. А когда заболела, то в помещении сделался такой страшный шум, что не знал, куда деваться. Но уже год, как она умерла. А я остался теперь один завершать свой жизненный путь. Все человек несет за свое прослушание...»

У Батюшки было любвеобильное сердце. Он говорил: «Как можно давать эпитимии? Ведь и так все в скорби. Нужно всех любить, жалеть, прощать и молиться. Я никому не давал эпитимии».

«Когда мы были еще юными девицами и Батюшка приехал в наше село Синявки, — рассказывала м. В., — мы втроем пришли к Батюшке взять благословение и послушать его великой беседы. Он ласково принял нас, внимательно посмотрел да и говорит: «Ты, Юля, гулять не ходи, тебе это не нужно, ты будешь монашка. А ты, Ганя, выйдешь замуж. А есть такие, что и туда и сюда. А потом как «вскочат в прорву», то едва выйдут с Божией помощью».

Это предсказание сбылось на каждой из нас. Одна из нас стала монахиней, жила в монастыре. Другая вышла замуж и в законе прожила свою супружескую жизнь. А третья — мудрила, хотела и в монастырь, и замуж (за двумя зайцами). Вышла замуж по расчету, за «богатого». А когда пришло время, то осталась и без мужа, и без крова с малыми детьми. И она часто со слезами вспоминала прозорливые слова старца и сожалела, что связалась с мирской суетой, которая тянет душу вниз, но по молитвам Батюшки она духовно крепится».

Батюшка при беседе говорил, что будет война, а одна сестра говорит: «Хорошо, что война, потому что к числу мучеников будут причислены...» А Батюшка возразил, что не все, а только верующие, а неверующие пойдут в ад. А сестра говорит: «Так это и погибнуть можно». А Батюшка сказал, что слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с Ним.

Батюшка часто любил беседовать о последнем времени со своими любимыми чадами,

как нужно быть бдительным. «Вот сейчас голосуем, то левой рукой брось — это ничего, да еще и не за одного во всем мире. А если будут голосовать за одного — это уже *он самый*, и голосовать нельзя». Еще говорил: «Такая будет война, что никто нигде не останется, разве только в ущелье».

И говорил, что будут драться и останутся два или три государства и скажут: выберем себе одного царя на всю вселенную.

И в последнее время будут истинные христиане ссылаться, а старые и немощные пусть хоть за колеса хватаются и бегут за ними.

Батюшка часто повторял беседы об антихристе. Такие говорил слова: «Будет время, когда будут ходить подписывать за одного царя на земле. И будут строго переписывать людей. Зайдут в дом, а там муж, жена и дети. И вот жена станет уговаривать своего супруга: «Давай, супруг, подпишемся. Ведь у нас дети, тогда же ничего не купишь для них». А муж скажет: «Дорогая супруга, ты как хочешь, а я готов умереть, но за антихриста подписывать не буду». «Такая трогательная картина будущего», — заключил старец.

«Приходит время, — рассказывал о. Лаврентий, — когда и недействующие храмы (закрытые) будут ремонтировать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Купола будут золотить как храмов, так и колоколен. А когда закончат все уже, наступит время, когда воцарится антихрист. Молитесь, чтобы Господь продолжил нам еще это время для укрепления, потому что страшное ожидает нас время. И видите, как все коварно готовится? Все храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет. Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме с участием духовенства и Патриарха.

Будет свободный въезд в Иерусалим и выезд для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано, чтоб прельстить.

Антихрист будет происходить от блудной девы — еврейки двенадцатого колена «блудодеяния». Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет 12-ти, гуляя с матерью по саду, встретится с сатаной, который, выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: «Не бойся, я буду помогать тебе». Из этого отрока созреет в образе человеческом «Антихрист». При его короновании, когда будет читаться «Символ веры», он не даст его правильно прочесть, где будут слова за *Иисуса Христа*, как *Сына Божия*, он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист, и за это будет умерщвлен.

При короновании «антихрист» будет в *перчатках*. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а *когти*, и это послужит к большому уверению, что это антихрист. Сойдут с неба пророки Енох и Илия, которые также будут всем людям разъяснять и восклицать: «Это антихрист, не верьте ему».

И он умертвит их, но они воскреснут и полетят на небо.

Антихрист будет сильно обучен всем хитростям сатанинским, и он будет делать знамения ложные.

Его будет слышать и видеть весь мир.

Он «своих людей» будет «штамповать» печатями. Будет ненавидеть христиан. Начнется

уже последнее гонение на христианскую душу, которая откажется от *печати сатаны*.

Сразу начнется гонение на земле Иерусалимской, а потом по всем местам земного шара прольется последняя кровь за имя нашего Искупителя Иисуса Христа. Из вас, чада мои, многие доживут до этого страшного времени. *Печати* будут такие, что сразу видно будет: принял человек или нет.

Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину. Но не унывайте. Господь своих чад не оставит... Бояться не нужно!..

Церкви будут, но ходить христианину православному в них нельзя будет, так как там не будет приноситься Бескровная Жертва Иисуса Христа, а там будет все «сатанинское» сборище...

И вот за это беззаконие земля перестанет родить, от бездождия вся потрескается, даст такие *щели*, что человек может упасть.

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, и признают Христа и будут царствовать со Христом.

А весь слабый народ пойдет за сатаной, и когда земля не даст урожая, люди придут к нему с просьбой дать хлеба, а он ответит: «Земля не родит хлеба. Я ничего не могу сделать».

Воды также не будет, все реки и озера высохнут. Это бедствие будет длиться *три с половиной* года. Но ради избранных Своих Господь сократит те дни. В те дни еще будут сильные борцы, столпы православия, которые будут под сильным воздействием сердечной Иисусовой молитвы. И Господь будет покрывать их Своей всемогущей благодатью, и они не будут видеть тех ложных знамений, которые будут приготовлены для всех людей. Еще раз повторяю, что ходить в те храмы будет нельзя, благодати в них не будет».

Одна сестра, слушая эту беседу, спросила:

«Как быть? Не хотелось бы дожить до этого времени». «А ты молодая, можешь дожить», — сказал старец. «А как страшно!» — воскликнула сестра. «А вот ты и выбирай одно из двух — или земное, или небесное».

«Будет война, — продолжал Батюшка, — и где она пройдет, там людей не будет. А перед этим Господь слабым людям пошлет небольшие болезни, и они умрут. А при антихристе болезней не будет. И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления». Сестра спросила: «Так это все погибнут?» «Нет, если верующие и омоются кровью, то причтутся к числу мучеников, а если неверующие, то пойдут во ад, — ответил Батюшка. — И пока не восполнится число отпавших Ангелов, Господь не придет судить. Но в последнее время Господь и живых, записанных в книгу Жизни, причисляет к числу Ангелов недостающего счета, "отпавших"».

«Ремонты храмов будут продолжаться до самого пришествия антихриста, и везде будет благолепие небывалое, — говорил Батюшка. — А вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны, в ее наружном виде. Больше молитесь, ходите в церковь, пока есть

возможность, особенно на Литургию, на которой приносится Бескровная Жертва за грехи всего мира. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и крови Христовой, и вас Господь укрепит».

«Господь милостивый. Он тех евреев, которые откажутся принять печать антихриста, а воскликнут, что это обман, а не наш «мессия», спасет».

Батюшка с одним иеродиаконем (Георгием) беседовал о последнем времени, горько обливался слезами, говоря: «Много духовенства погибнет при антихристе». О. Георгий говорит: «Как же мне бы не погибнуть, ведь я же диакон?» Батюшка сказал: «Не знаю». Отец диакон стал плакать, упав в ноги Батюшке, и просил помолиться за него, чтоб ему избежать ада. Батюшка встал, помолился да и говорит: «Ладно. Вот так бывает, заболел, умер и в Царство Небесное вошел».

И это предсказание исполнилось. Мы знали этого диакона по Киевской Лавре. Он был очень добродетельный и певчий монах, вдруг заболел на голову и в скором времени умер.

Батюшка часто сокрушался и слезно молился или что-либо рассказывал со слезами. Сестры успокаивали его, на что он возражал: «Да как же не плакать, когда полна бездна людских душ».

У Батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром молитвы сердечной и прозорливости.

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ СТАРЦА, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Осенью 1949 года о. Лаврентий чувствовал себя слабо. В церкви он старался всегда быть и не раз говорил, что кто стремится идти в церковь, чтоб приобрести благодать, а кто — чтоб не потерять.

Последнее время его подвозили на лошади к церкви. Перед праздником святителя Николая он чувствовал себя плохо. Прислал сестру к владыке о. Иакову, чтоб благословил идти в церковь. Владыка по любви к нему не благословил, и на слова сестры, пришедшей от владыки, Батюшка ответил: «Если кто думает будущего года дожидаться, то пусть не идет». Быстро собрался, и его отвезли в церковь. Но это уже было последнее Всенощное бдение. На песнопении «Ныне отпускаеши» Батюшка сильно плакал, плакали и все его певчие, которые так тепло были согреты его ангельской любовью. С поздней литургии его уже принесли на руках в келию домой. И с постели Батюшка больше не подымался.

Хлеба он не кушал уже с полгода, а питался только овощами. Еще перед праздником свят. Николая сестры просили Батюшку быть снисходительным к своему здоровью. Он шутливо сказал: «До Николая солнце в гору (вверх), и дело пойдет в гору». А когда на свят. Николая принесли его в келию, то произнес своим малорусским наречием: «А теперь до Крещения или поправимся, или отправимся».

Во время болезни Батюшку приобщали каждый день св. Тайнам, а в самый день кончины на Крещенье принес игумен о. Антоний св. Дары в чаше из алтаря.

Благословил Батюшка читать монахиню благодарственную молитву. Дело было уже вечером. В церковь пришли сестры и сказали, что о. Лаврентию совсем плохо. Все бросились бежать к Батюшке, чтобы получить благословение и проститься со своим любимым отцом.

Одна сестра (насельница при Батюшке) рассказывала, что часа в три ночи слышала прямо наяву необыкновенное пение многочисленного хора. Она прибежала в ту келию, где лежало тело почившего, а там все было спокойно, тихо мерцали свечи при негромком чтении Евангелия священника Д. Она испуганно рассказала, что слышала пение. Он удивился и сказал, что душу покойного встречают на небе ангелы.

На третий день утром, слезно совершив последнюю панихиду в келий, духовенство при сопровождении всего клира и народа со многими слезами внесло гроб на руках в малый храм, который далеко не мог вместить такого количества людей. Гроб стоял посредине храма на возвышенном месте пять дней. Служились вечером парастасы, утром — заупокойные литургии и торжественные панихиды при многочисленном стечении народа. Ярко горели свечи вокруг дубового гроба, который Батюшка приготовил себе еще при жизни, задолго до смерти. Лицо почившего было закрыто «воздухом», как делается по чину. Видны были только руки, которые не застыли, как у умершего, а были мягки, как у спящего, и к которым прикладывалось много народа, тысячи. Кто молча со слезами, а кто с воплем и рыданием.

Можно ли изобразить душевное состояние сестер обители, их настоятельницы игуменьи Антонии. Они прощались с тем, кто был им ближе отца родного. Он принял их в обитель, большинство жили в бедности и суровой обстановке. Батюшка их пригрел, во всем помогал, учил их, руководил ими, питал телесно и духовно.

В день отпевания заупокойную литургию служил епископ Иаков, который был почти постельно больной, с многочисленным духовенством города и приходов. В конце литургии, по благословию Владыки, красноречивый проповедник иерей Д. вдохновенно произнес надгробную речь, которая несколько раз прерывалась громким плачем присутствующих в храме. Сквозь слезы говорил и сам проповедник.

После литургии началось отпевание, весьма умирительное и трогательное. Участвовал владыка Иаков и много священников и диаконов. Вокруг гроба стояли певчие и все сестры обители с настоятельницей игуменьей Антонией, а также молящиеся с зажженными свечами. Заполнена была не только церковь, но и двор большой, и даже улицы. «Со святыми упокой» было коленопреклоненно пропето всеми присутствующими при отпевании вместе с хором.

После отпевания и трогательного прощания часов в пять вечера гроб открытый вместе с почившим телом Батюшки руками священников и епископа был торжественно перенесен в нижнюю церковь — усыпальницу. Трудно передать скорбь его духовных чад при виде этого выноса. Все они плакали навзрыд. Многие даже теряли сознание. Плакали несшие гроб, плакали и все стоявшие на пути печального шествия, сопровождавшегося колокольным звоном.

Гроб с телом поставлен был посредине храма-усыпальницы на 40 дней. И такое было стечение народа, все сестры окружили гроб, склонили на него свои бедные головы и подняли такой рев, что преосвященный владыка Иаков взялся за уши и еле живой смог выбраться оттуда, так как сердце заходило от жалости.

Гроб стоял 20 дней открытым, а остальные 20 дней был закрыт крышкой. Ежедневно при многочисленном стечении народа служились панихиды. После 40 дней гроб был торжественно опущен в искусно вымурованную гробницу и заложен большой серой плитой.

Это было 20 февраля 1950 года.

Мы верим и надеемся, что Господь принял ангельскую душу его в светлые обители

Свои и что многие чада и православные христиане имеют в нем молитвенника и предстателя у престола Господня.

Помню я и монах Никон слепой встретились с монахиней Олимпиадой старенькой, и он мне объяснил, что она из старых монахинь. Я спросил его: «Она в монастыре жила?» Он ответил: «Нет». Я ее спросил: «Матушка, когда Вы принимали постриг? Где и как?» Она ответила, что до немецкой войны и по благословению о. Лаврентия, а постриг совершил схиархимандрит Варлаам Киевский, который жил в колокольне Выдубицкого монастыря. Я очень удивился. Но монах Никон добавил, что его родители (отец и мать) и он сам также постриглись по благословению о. Лаврентия от архимандрита Варлаама. Так о. Лаврентий благословлял доброе святое дело, а другие по его благословению совершали его.

Было это в двадцатые годы двадцатого столетия во время разрухи. Приехал я в г. Чернигов и везде побывал. В Троице-Ильинском (тогда мужском) монастыре наслаждался духовной беседой с о. Лаврентием и решил ехать домой. Батюшка о. Лаврентий спросил: «А ты у владыки Пахомия брал благословение?» «Нет», — ответил я. Старец сказал: «Поскорее иди к нему». Пришел к владыке Пахомию (он священномученик) и рассказал ему свое намерение идти домой и еще кое-что спросил. Владыка ответил: «Хорошо, но иди снова к о. Лаврентию, внимательно выслушай, что он тебе скажет, и обязательно исполни». (Архиеп. Пахомий уже тогда знал и был уверен, что о. Лаврентий ничего просто так не говорит, а только по благодати Святого Духа.) Пришел к Батюшке о. Лаврентию и пересказал беседу и слова владыки. Батюшка улыбнулся да и говорит: «Поедешь домой, когда я тебе скажу, а теперь, как говорится, поживи у нас». Я так и сделал. Прожил с неделю. Однажды при встрече мне Батюшка говорит: «Ну, теперь можно ехать и возьми этого крепака. Он тебе пригодится, да еще и как пригодится!» И дал мне о. Лаврентий бутылку спиртного. Я тут же отправился в путь. Недалеко от села меня встретила взволнованная мать в слезах, которая уже несколько дней ждала меня с нетерпением и выходила за село, чтобы встретить меня и предупредить о надвигнувшейся смертной опасности. Власти из города вместе с сельскими активистами искали для убийства виновных (а в то время убивали невинных), в том числе и меня. И мне было приказано, как только приду домой, срочно явиться к одному сельскому начальнику. Я ощупал в кармане бутылку, вспомнил слово старца-прозорливца о. Лаврентия и робко, со страхом направился в хату начальника. Дома я его не застал, а только тихо стонал на печи его больной отец-старик. Я поздоровался со стариком и спросил о его здоровье. «Вот если бы спиртного мне для втирания, но его нигде не достанешь», — хрипло еле заговорил старик. В это время зашел его сын и начал меня допрашивать: «Где я был? Когда приехал?» — и так далее и тому подобное. Я все рассказал. «Так тебя тогда и дома не было, и ты тут ни при чем!» — сказал молодой активист. Я вынул из кармана Батюшкину бутылку и подал больному отцу со словами: «Возьмите, поправляйтесь и живите по Закону Божию». А сын еще раз крикнул: «Ну вот хорошо, что тебя не было дома, а то убили бы под горячую руку, а потом разобрались бы, что не виновен». (В то время не разбирались и били всех подряд.) Великий старец мне предсказал: что буду я стоять у святителя Феодосия, будут два помощника помогать мне стоять у святых мощей. При мне и при них закроют собор и вынесут мощи. Потом... откроют собор, и архиерей не будет собор называть Кафедральным и не пожелает ублажить покой святителя Феодосия и поставить святые мощи на его вечное упокоение. Но собор по благословению высшего церковного священноначалия (благодаря просьбе и желанию верующих) будет по-прежнему Кафедральным и мощи святителя Феодосия будут возвращены на место в Спасо-Преображенский Кафедральный Собор.

Иеросхимонах Феодосий

В тридцатые годы двадцатого столетия прихожу к о. Лаврентию посоветоваться о трудностях, а он и говорит: «В опасностях не бойся, арестуют — не страшись, пугать и угрожать будут — смел будь. Читай псалом 90 «Живый в помощи», молитву «Да воскреснет Бог», кондак 1-ый акафиста Богородице «Взбранной Воеводе победительная», — все это читай 24 раза и в конце «Достойно есть» с отпустом. И иди на свободу и пообещай принять святую схиму». Арестовали меня, угроз и обвинений было много, и все состояло в том, что я контрреволюционер и против власти. Обещали не выпустить из лап и расстрелять. Стал я бояться и страшиться, а слова псалмопевца идут на ум: «тамо убояшася страха, идеже не бе страх». Повеселеет, и тут же опять ужас. Вдруг я вижу: передо мной о. Лаврентий, и говорит он: «Малoverный, зачем усумнился? И почему забыл мой совет о твоём спасении?» Сразу мне стало весело на сердце и на душе радостно, а Батюшка великий стал невидим и скрылся. Я тут же все вспомнил и давай молиться тремя вышесказанными молитвами по 24 раза. Во время сей молитвы пришли ко мне и доложили по секрету, что меня обязательно и немедленно сейчас расстреляют. Я покорился воле Божией и всеблагодару Его промыслению о мне грешном. Очень сожалел о совете дорогого Батюшки и просил за свое непослушание и забытие прощения: «Прости меня, дорогой отец, и благослови, чтобы на мне совершилась воля Господня и твое святое отеческое благословение». Страха у меня никакого уже не было, ибо я уже готовился к вечной жизни. Вывели меня расстреливать, но сначала решили надо мной нечеловечески поиздеваться. Нанесли несколько тяжелых ударов, а я читаю про себя «Достойно есть» И начальник остановил это буйство и сказал: «Иди и больше сюда не попадай!» Я идя совершил отпуст святых молитв, благодаря Бога, Царицу Небесную и молитвенное заступление о. Лаврентия.

Схиархимандрит Антоний

Протоиерей Александр Красковский совершал всенощное бдение в честь Казанской иконы Божией Матери в Троицком женском монастыре. Батюшка был на хорах. Начали петь стихиры на литии. Были приготовлены хлебы, пшеница, вино и елей, но о. Александр не разрешил вынести на середину и сам не вышел на литию. Правый хор монашествующих исполнил все стихиры на литии и давай сразу стихиры на стиховне, а далее по уставу. Во время чтения 1-го часа о. Лаврентий подошел к о. Александру и потихоньку спросил ласково: «Батюшка, а почему не вышел и не совершил литию в честь Царицы Небесная?» Ответа не последовало. Старец, обратясь спиной к нему и отходя от него, тихо сказал: «За такое небрежение будешь терпеть от Бога наказания и изгнание». Сам протоиерей это о себе говорил и свидетельствовал: вот это, великий был Батюшка и какие были его слова, и как сказаны ласково и любовно.

Любвеобильный Батюшка говорил нам, что когда появится малая свобода, будут открываться церкви, монастыри и будут их ремонтировать, все лжеучения выйдут наружу вместе с бесами и безбожниками тайными (католики, униаты, украинцы самосвяты и другие) и сильно на Украине ополчатся против Православной Русской Церкви, ее единства и соборности. Эту еретическую группировку будет поддерживать власть безбожная, а поэтому будут отнимать у православных церкви и верных избивать. Тогда Киевский митрополит (недостойн сего звания) вместе со своими единомышленными архиереями и иереями сильно поколеблет Церковь Русскую. Весь мир удивится его беззаконию и устрашится. Сам уйдет в вечную погибель, как и Иуда. Но все эти наветы лукавого и лжеучения в России исчезнут, а будет Единая Церковь Православная Российская.

Прот. Александр Красковский, схиархимандрит Антоний и иеросхимонах

Феодосий

Повествовала мне монахиня Киево-Покровского монастыря Александра: «Я жила в Крыму в Введенской пустыни Пресвятыя Богородицы, где служили два старца о. Серафим и о. Софроний. Арестовали некоторых старцев и монашествующих сестер. После закрытия и разгрома пустыни с большими трудностями я пришла на Родину и ходила в Троице-Ильинский монастырь. Я стала обращаться к о. Лаврентию за советами и наставлениями, и он стал моим духовным отцом. О. Серафим умер, а о. Софроний получил вольную высылку в г. Чернигов. Еще в монастыре монахи служили. О. Софроний увидел мою землячку с моего села и сказал ей, чтобы я пришла в Чернигов помолиться в Троицкий монастырь, где я его увижу. Я с радостью собралась и пришла. При встрече о. Софроний мне сказал: приходи ко мне с мантией. Я тебя постригу в монахини, так как ты жила в моей пустыни и я тебя хорошо знаю. Я не сказала о. Софронию, что теперь мой духовник о. Лаврентий; и о. Лаврентию не сказала ничего и даже на постриг не попросила благословения. О. Софроний постриг меня в мантию и сказал: «Пойдешь исповедываться и причащаться, говори свое новое имя». Я так и сделала, и сразу все заговорили, что Александра — монахиня. Стал иеросхимонах о. Софроний умирать. Я тут же осознала свою вину: я не сказал о. Софронию, что мой духовник — о. Лаврентий. И о. Лаврентию не сказала, что перехожу к Софронию и буду из его рук принимать монашество. Я перед о. Софронием упала на колени, просила прощение за свое умалчивание и просила, чтобы он о. Лаврентия попросил быть по-прежнему моим духовником. Я все думала, как мне падать на колени и просить о. Лаврентия, после блаженной памяти о. Софрония, принять меня грешную. Когда скончался в Боге изгнанник иеросхимонах о. Софроний, то тут же сразу пришли посланные от о. Лаврентия и сказали: «Батюшка тебя зовет». Не знаю, просил ли о. Софроний о. Лаврентия или не просил за меня. Я с радостью и с трепетом — забыла, что оставляю мертвое тело иеросхимонаха Софрония, — бегу к о. Лаврентию. Думала, как открою дверь в Батюшкину келию, упаду на колени и буду умолять его принять меня обратно к себе. Но Батюшка меня предварил. Я открываю дверь, а Батюшка на пороге меня за руку и в келию и говорит: «Матушка Александра, теперь ты моя духовная, похорони своего старца и духовника. Всегда и во всех нуждах приходи ко мне». (При жизни о. Софрония после пострига о. Лаврентий мне ничего никогда не говорил, ни единого слова, только молча благословлял.)

Потом в одно время о. Лаврентий сказал нам, что в такую-то ночь будут арестовывать и кто не хочет попадать в тюрьму, то срочно должен уезжать в Киев. Я спросила: «Батюшка, куда я поеду и к кому?» И он помолился на иконы, подняв голову на небо и воздев руки вверх, и, скрестив руки на груди своей, сказал: «В церковь святителя Николая Набережного (только в ней одной тогда совершалось богослужение). Читай и пой с Покровскими и Фроловскими монашками и на хороший конец держись Покровских. Жить будешь в Покровском монастыре, прими схиму и никому об этом не говори».

Приняла м. Александра схиму, умерла, не сказав об этом. Кто не уехал тогда в Киев, были арестованы и отбывали разные сроки тюремного заключения. Свидетельствовала м. Александра (тайная сх. Варвара), что если бы не благословение о. Лаврентия, то и она бы попала в тюрьму и не знала бы, как ей совершить свой земной путь и достигнуть Небесного.

Когда закрыли Введенский монастырь в Киеве, впервые я приехала в г. Чернигов к о. Лаврентию и спросила: «Как мне жить?» Заплакала, что уже монастыри закрыты и я не буду монахиня. Но Батюшка ответил: «Монастыри будут. Схимницей будешь в Введенском монастыре, а потом в Покровском, и послушница твоя будет во Святом граде Иерусалиме, и так же будет схимница, и совершит свой земной путь в Обители

Покрова Пресвятыя Богородицы».

Схимонахиня Мария

В 30-е годы двадцатого столетия, когда меня арестовали и стращали, я, зная лично о. Лаврентия и веря в его по Бозе покровительство и заступление, молилась так: «Милостивый Господи, молитвами Батюшки о. Лаврентия пощади, помилуй и спаси меня грешную». Явился наяву Батюшка и сказал: «Будешь схимонахиня и постарайся быть таковой». И в тот же день меня освободили.

Схимонахиня Митрополия

г. Киев.

Когда я работала проводником в поездах железных дорог, то топлива не давали: будешь уголь сама брать отапливать вагоны — тюрьма или вода в трубах замерзнет — тоже тюрьма. И я в таком тяжелом положении — таскать уголь в вагон. Тут же появился милиционер и давай меня тащить с собой. Я проситься, я в слезы, я объясняю, что трубы в вагоне замерзнут и мне тюрьма, а он неумолим. Я по рассказам верующих в поезде много раз слыхала о Черниговском о. Лаврентии и тут же, не зная его лично, вспомнила. Сразу замолчала, а милиционер меня тащит, ногами толкает и бьет, а я про себя молюсь: «Мати Божия, о. Лаврентий и вси Святии, заступитесь перед Господом Богом Милосердным за меня грешную». И он сразу тут же как окаменел, а пассажиры все на него кричать и ругать его, и он меня в тяжелом состоянии бросил. Меня подобрала пассажиры, ехавшие в моем вагоне, ввели в вагон и начали успокаивать. Сердце мое билось, дышать было тяжело, и я не могла в себя прийти. Вдруг передо мной явился неизвестный мне схимник, перекрестил меня и стал невидим. Я тут же встала вполне здоровая и спрашиваю заботившихся обо мне пассажиров: «А где сидит Батюшка?» Меня спрашивают: «Какой?», и все в один голос говорят: «Никакого Батюшки здесь нет». Я им ответила: «Какой сейчас был, одетый в схиму». Все сказали, что никакого Батюшки нет и не было. Личность явившегося я хорошо запомнила. В 60-е годы я поехала в г. Чернигов и увидела фото о. Лаврентия, и каково было мое удивление, ибо я узнала в нем явившегося мне схимника, оказавшего мне защиту и даровавшего мне исцеление Черниговского старца схиархимандрита Лаврентия, скорого помощника и заступника бедствующим людям и находящимся в опасностях.

Схимонахиня Святослава

г. Киев

Монахине, долгое время болящей продолжительной болезнью и вопросившей: «Долго ли она будет так мучиться? Скорее бы разрешиться от уз плоти», Батюшка ласково ответил: «Больше потрудишься здесь — больше получишь там».

М.Н.

Мне приснился Батюшка о. Лаврентий. Был бодрый, с выразительными добрыми голубыми глазами и спросил меня об Иисусовой молитве. Я ответил: «Стараюсь». Старец сказал: «Добре, добре (хорошо) будет там, кто читает Иисусову молитву».

Ин.А.

Мне схиархимандрит о. Лаврентий сказал:

«Нужно бы тебе переехать в г. Чернигов и помолиться в самой великой святыне —

Кафедральном Преображенском Соборе лет 10». Я этому не придавал значения и забыл. Приехал, молился в Соборе, и через 10 лет его закрыли.

М.М.

Когда старцу о. Лаврентию приносили или высылали деньги для поминовения живых и усопших, то он одну записку оставлял у себя, а другую подавал в алтарь и давал деньги на церковь. Он и других учил так же поступать. Первым долгом давать деньги на церковь, для ремонтов и содержания ее. Тайно давал милостыню бедным и нищим деньгами. Съедобные продукты Батюшка делил между сестрами.

м. Илария

Мне приснился Батюшка — старец о. Лаврентий и открыл мне, сказав: «Молитвы твои за родных не тщетны. Грехи родителей и родственников по ходатайству церкви прощены. Брату, ругавшемуся над святыней, не прощены». Брат ругал икону Царицы Небесная и выбросил ее.

м. Н.

Когда закрыли Свято-Троицкий монастырь в Киеве, я пришел в г. Чернигов к старцу о. Лаврентию, побеседовал и получил наставление как жить и молиться. Провожая меня, он сказал: «Будешь жить в Ионовском монастыре, а старец Иона — святой. Закроют. Будешь схимником стоять у иконы Успения Пресвятой Богородицы в Лавре. Будешь со всеми вместе изгнан». Что и сбылось верно.

Схимонах Парфений

г. Киев

Я часто бегала проситься к владыке Борису в монастырь, а сестра моя сидела дома и одно твердила: «Ты как хочешь, а я в монастырь и замуж не пойду. Буду жить одна». Наконец владыка согласился взять меня в монастырь, и я пошла к Батюшке за благословением, и он говорит с улыбкой: «А сестра что думает?» Я ответила: «Батюшка, она сказала: "И монашкой не буду, и замуж не пойду"». Батюшка сказал: «Э, не так! Надо избрать Небесного или земного жениха, а так жить нельзя». Пришла домой и рассказала все сестре. Она тут же на ноги встала, слезы градом полились и в одну душу кричит: «Веди меня к Батюшке, я так же хочу быть монашкой и с тобой вместе пойду в монастырь». Я ей сказала: «В другой раз». Но она настояла: «Сейчас же и в эту же минуту». И мы пошли к о. Лаврентию, и он нас обоих благословил поступить в монастырь. Такова молитва сильна старца.

Сх. М.

Певчая подошла к Батюшке о. Лаврентию. Он благословил и говорит: «Учи, учи ноты, и когда будешь жить в Москве или в Одессе, или в Петрограде, то артисткой будешь». Случилось, она жила в Москве, артисткой не была, но пела в таком церковном хоре, в котором были все артисты, певцы из хора Свешникова и солисты Большого театра Москвы, поэтому молящиеся и ее считали артисткой. В театрах и гражданских сценах она никогда не пела и участия не принимала. И жизнь ее сложилась по Батюшкиным словам. По милости Божией она всегда была благочестива и не скрывала, что она монахиня.

Сх. М.

Батюшку вели по двору в церковь. М. Фотина подвела меня к о. Лаврентию с

просьбой благословить меня петь и читать в Ильинскую церковь (она была подписная к монастырю) на клирос. Батюшка снял клобук, стал молиться и смотреть на небо, и потом благословил меня. Я же не знала славянского языка и никогда не читала книг на славянском языке. После благословения Батюшки, в тот же день, м. Фотина дала читать, и я стала читать по-славянски так же, как по-русски. Все понятно. Молящиеся люди заговорили: «Как приятно слушать, и Бог нам послал ангела». Такое было внятное и молитвенное чтение.

И.Н.

Часто я водила Батюшку. Однажды шли мы в церковь. Дорожка была высыпана битым камнем, и Батюшка споткнулся о неровности. Я подумала, если бы была у меня сила, я бы взяла Батюшку на руки, принесла бы в церковь и снесла бы на хоры, чтобы не спотыкаться ему. Батюшка тут же улыбнулся и говорит: «Э, как говорится, взяла бы на руки и отнесла бы прямо на хоры, чтобы не спотыкаться, да силы нет». И много раз Батюшка прозорливый отвечал мне на мысли, и не только мне, но и другим.

Вышла я во двор из келий. М.П. ведет Батюшку в палисадник, я быстро к Батюшке. М. П. держала в руках расческу. Мне очень хотелось расчесать Батюшку, да боюсь попросить м. П. Только взялась она расчесывать Батюшку, а он ее посылает в келию (не помню за чем). Она отдала мне расческу, и я расчесала волосы Батюшке и заплела косичку. Была счастлива, рада и довольна.

Привела я Батюшку на хоры. Вела я его одна. Было рано начинать службу, и Батюшка сидел и рассказывал мне: «Был я в святом граде Иерусалиме, когда получал патриарх благодатный огонь. Множество народа стояло с поднятыми свечами в руке и молилось вместе с патриархом. И было так: когда сходил благодатный огонь на свечи в руках патриарха, то в это же самое время зажигались свечи у некоторых православных христиан, усердно молящихся, и им не было надобности засвечивать свои свечи из рук патриарха, а другие люди зажигали свои свечи от патриарха». И Батюшка радостно улыбнулся. (Схим. Екатерина и м. Евгения говорили, что Батюшка им рассказывал, что и на его свечу сошел благодатный огонь и ему не было надобности зажигать огонь из рук патриарха. Просил об этом никому не говорить, пока он жив.) Еще Батюшка говорил: «Жил я в Иерусалиме недолго и управлял патриаршим хором (это было до 1917г., год не знаю).

Один раз при мне Батюшка спрашивает одного человека: «Что ты умеешь делать?» Он ответил: «Ремонтировать музыкальные инструменты». Батюшка говорит: «И я тоже, а играть умеешь?» Он сказал: «Умею». «И я тоже, — говорит Батюшка, — играл на скрипке и учеников обучал, и сапожником был, и так же учеников учил».

И еще говорил, что другой дерется, как жаба на корч, и хочет спастись, а тогда «бух!», и рукой показал вниз — ад.

А иной живет как попало, и раз — и там, и Батюшка указал рукой на небо, как по ступенькам.

Эти рассказы Батюшкины я пересказала одному священнику, не зная его семейных настроений. Он, выслушав, заплакал и говорит: «Хорошо, как вы утешили меня словами Батюшки». Этот священник перед смертью жил подвижнически, как и в юные годы. Эти примеры были обращены ко многим и многим лицам.

И.М.

Батюшка священникам, монахам и диаконам ни в коем случае не велел стричь волосы

и брить бороду.

Говорил, что большой позор бритым и стриженным архиереям.

Еще Батюшка говорил о духовных лицах: есть Апостолы и есть Иуды, только лица поменялись, а время одно и то же.

Батюшка был ревнитель и поборник Право-славных Веры, Церкви и Ее правил и уставов. И не так, как написано в житии, что Батюшка был недоволен на владыку Бориса за то, что вместо будничной службы — полиелейная, а вместо полиелейной — всенощная. Сильно недовольствовался схиархимандрит о. Лаврентий на владыку за сокращение церковных служб. Батюшка никому не благословлял сокращать и требы, например, Крещение, погребение и др. Батюшка говорил, что труднее было написать, чем пропеть и прочесть. Недоволен был тем, что не прочитают псалом, а без страха Божия кричат: «Слава», а на литургии прервут молитву ко Святому причастию, открывают царские врата, чтец кощунственно кричит, не окончивши молитву: «Аминь», а священнослужитель: «Со страхом Божиим»... И тут разве страх Божий; тут не благоговение, а небрежение и бесстрашие Божие. Такие священнослужители сами не спасаются и не дают другим. Вместо недостойных священнослужителей служат Ангелы, говорил Батюшка. Архиереи и священники, любители сокращать службы церковные, пойдут в вечный огонь, а верующие будут спасены молитвой, постом и добрыми делами.

Батюшка очень сожалел, что сокращают церковные службы, и верующие поэтому их не посещают и не ходят в церковь. Горе, горе таковым служителям святого алтаря — вечный огонь и такова тьма.

Схиархимандрит Антоний, иеросхимонах Феодосий и прот. Алексей

При немцах маму назначили в Германию. Собрала мама узелок и с сестрой пошла на комиссию, а я быстро к о. Лаврентию. Прибежала, плачу и говорю, что маму забирают в Германию. Батюшка помолился, утешил и сказал: «Не плачь, все будет хорошо». Я простояла литургию, прихожу домой. Мама и сестра дома. Спрашиваю: «Отправили?» Мама ответила: «Подхожу с паспортом, переводчица прочитала и что-то сказала немцу, и он ей что-то ответил, на немецком языке, непонятном для меня. Она отдала мне паспорт, сказав, чтобы я в 5 часов пришла к начальнику на квартиру по ул. Воровского (номер дома забыла). Надо еще идти, а я боюсь». Пошла мама и приносит две пары носков заштопать. Оказывается, он оставил маму за то, что она портниха и заштопает ему носки. Так спасали нас Батюшкины молитвы.

М. и Н.

Еще к Батюшке пришла раба Божия Т. с дочерью проситься в монастырь. Батюшка против, но владыка и игуменья приняли. Муж ее с высылки прислал письма, спрашивая, ехать ли ему домой или оставаться там. Она его вызвала. Ушла из монастыря и увела свою дочь. Он был неверующий, и она влачила несчастную мирскую жизнь, и дочь стала пресмыкаться в миру и в отдалении от Бога.

Т.

Из Иркутской области приезжал протоиерей М. спросить у о. Лаврентия совет и благословение переехать в епархию Киевскую или Черниговскую. Батюшка сказал настойчиво: «Нет, отец, Сибирь и Казанская церковь». Он и служил до самой смерти в Казанской церкви Божией Матери в пос. Тельма.

Прот. Михаил Мещераков

Из Киргизии, г. Фрунзе, иеромонах Зосима приехал к о. Лаврентию спросить, поступить ли ему в число братии Киево-Печерской Лавры, в коей был он послушником. Старец строго запретил. о. Зосима просил благословения жить во Фрунзе, но Батюшка ответил: «Малаховка, Малаховка». о. Зосима ничего не понял и уехал во Фрунзе. Случилось мне быть у него дома в Киргизии в г. Фрунзе, и мы вместе поехали в Казахстан в г. Алма-Аты посетить архиепископа митрополита Иосифа. Митрополит встретил нас в воротах, провел в комнату, показал свою крестовую церковь в епархии. И сказал: «У меня пообедаем, чаю пить не будем. Чай будем пить у моего старца-духовника». После обеда владыка Иосиф говорит: «Едем к духовнику...» Спросили: «Как его звать?» Митрополит ответил: «Протоиерей Феофан старец и живет с дочерью». Приехали мы из епархии на машине. Шофера отпустили. Владыка постучал в калитку, и на стук вышла дочь и взяла благословение у владыки, и сказала: «Пойду скажу Батюшке». Вышел о. Феофан с просьбой зайти к нему и посетить его. Зашли, предлагали нам обед. Владыка отказался и сказал: «Будем пить только чай». Во время чая разговор за столом перешел на святителя Феодосия, его святые мощи и чудеса.

Митрополит восхищался Кафедральным Собором и его древностью и тут же вспомнил, что блаженный старец о. Лаврентий говорил, что Собор — главная святыня г. Чернигова и всей Черниговской епархии, а поэтому там и мощи святителя лежат. А о. Зосима тут же рассказал все выше описанное и удивлялся, что за слово «Малаховка», сказанное о. Лаврентием. Владыка Иосиф спросил об этом своего духовника. Духовник ответил: «Черниговского старца слова велики, он ничего даром не говорил». Митрополит Иосиф сказал: «Слова праведника драгоценны». И духовник ответил: «Они сбудутся в свое время». Оказалось потом, что на иеромонаха Зосиму подняли сильное гонение гражданские власти вместе со священниками. Была написана ужасно злобная клеветническая статья в газете, порочащая о. Зосиму. Создали властители тяжело-презрительную обстановку, требовали уехать немедленно. Провалился дом. Нигде не мог купить. Явился ему о. Лаврентий Черниговский во сне очень добрым. Ласково ободрял, утешил и сказал: «Послушный брат, езжай за Москву на ст. Малаховка и купи себе дом». В Московской области в то время купить дом и прописаться было невозможно. Он приехал в Москву и узнал на ст. Малаховку дорогу. Поехал и тут же купил себе дом. Там жил и мирно в Боге почил. Похоронен на кладбище в Малаховке.

Сестры схиигумена Кукши рассказывали:

«Когда о. Кукша жил в Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре, приехал он поклониться мощам святителя Феодосия и посетить о. Лаврентия. Во время беседы о. Лаврентий многократно спрашивал о. Кукшу: «Вы из Одессы? Или вы живете в Одесском монастыре?» О. Кукша каждый раз смиренно отвечал: «В Киеве или из Киева и живу в Лавре». А о. Лаврентий сказал: «А, эге, понял, в Одессе Успенский монастырь». Схиигумена Кукшу сильно почитали верующие, и поэтому безбожная власть в атеистическом государстве переселяла его по монастырям и, наконец, в г. Одессу в Успенский мужской монастырь. Там в Боге он и почил».

Схимонахини Херувима и Евникия

Пришел к о. Лаврентию и регент Киево-Печерской Лавры иеромонах Феодосий (в сх. схиигумен Антоний). Батюшка строго приказал блюсти церковный устав Лавры и в случае, если архиерей осмелится сокращать службу и спешить, чтобы он ответил посланным: ага, спешит, некогда, пускай не служит. Будут просить раньше почитать

третий и шестой час до прихода архиерея, не соглашайся ни в коем случае — ибо это ненавистно и противно Богу. Так и случилось. Приехал архиерей (не знаю какой и откуда), вышел посланный из алтаря на клирос и доложил о. Феодосию читать только третий час, а шестой опустить, на блаженных поменьше стихов и как можно быстрее. О. Феодосий вошел в алтарь и спросил: «Почему нужно сокращать службу и спешить побыстрее окончить?» Ответили ему со злом: «Владыка спешит уезжать». В это время он увидел в алтаре стоящего о. Лаврентия и громко сказавшего: «Пускай уезжает!» Кроме о. Феодосия никто не видел о. Лаврентия, а голос его слышали и некоторые другие, но не все. О. Феодосия уговаривали до прихода архиерея прочитать третий и шестой час, но он строго ответил: «В древности такого не было, и в архиерейском чиновнике написано: когда облачат архиерея, читают часы. Нового в Богослужение вводить не надо». И добавил громко им: «Если спешит Владыка, пускай лучше не служит и уезжает». Владыка служил, и служба шла по уставу полным лаврским порядком.

Схишгумен Антоний

Батюшка, сидя на хорах, рассказывал о последнем времени и о конце мира сего. В последнее время бесов в аде не будет. Все будут на земле и в людях. Будет страшное бедствие на земле, даже воды не будет. Потом будет всемирная война. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни плавиться. Огонь и дым с пылью будет до неба. И земля сгорит. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: «Долой войну и поставь одного царя». Выберут царя, который будет рожден от блудной девы двенадцатого колена, царского рода и будет красивый для нечестивцев, а благочестивые увидят его страшно ужасным. В царской мантии будет ехать на колеснице и доедет до сада, сойдет и пойдет по саду прогуливаться, размышляя, как ему строить свое царство. Вдруг откроется бездна, появится вода, и с воды как будто кто-то выплеснется, и ему покажется, что кто-то у него сзади. Он оглянется назад и увидит страшное страшилище, и в испуге крикнет, открыв широко рот. В этот момент вселится в него бес, и с той поры он станет антихристом. Еще раньше как-то Батюшка говорил: «Антихрист сядет на престол во Иерусалиме. Сейчас денница связанный в аду, и Господь его развяжет, и он вселится в царя-антихриста». Иереи Никифор, Григорий и прот. Василий Ганзин Батюшке о. Лаврентию возразили, что он еще и иначе и по-другому говорил об этом. Он им ответил: «Отцы и братия, вы одного не знаете и не понимаете, что я говорю не только для России, но и для всего мира. Мои слова верны и мне их открыл Дух Святый по благодати».

Прот. Василий, иереи Никифор и Григорий

Еще Батюшка о. Лаврентий, беседуя со архимандритами Феофаном и Никифором и своими близкими, говорил настойчиво и строго с предупреждением: «...что наши родные слова — Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было крещение Руси, а не крещение Украины. Киев — это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России немислим ни в каком и ни в коем случае».

В Польше была тайная жидовская столица. Поляков понуждали завоевывать Русь. Когда поляки завоевали часть Руси (России), то отдали ее в аренду, в том числе и православные монастыри, церкви и священников. Священники и православные люди не могли самостоятельно никаких совершать треб. Православных теснили и притесняли со всех сторон, покровительствуя Польше, католичеству и унии. Очень не нравились слова: Русь и русский, поэтому называли завоеванные поляками русские земли сначала Малороссией. Потом опомнились, что здесь есть слово Рос, и переименовали Окраиной. Слово окраина — это позорное и унижительное слово! Какая окраина?! Чего и почему

окраина, когда за этой мнимой окраиной находятся другие страны и государства?! И позже узаконили нам слова «Украина» и «украинцы», чтобы мы охотно забыли свое название русский и навсегда оторвались от святой и православной Руси.

Преподобный Феодосий игумен Киево-Печерский писал, чтобы мы не хвалили чужую веру и ни в коем случае не соединялись с католиками и не оставляли православную веру. Архиепископ Лазарь и святитель Феодосий, его же и мощи перед нами (говоря это, Батюшка положил земной поклон в сторону Кафедрального Собора), и святитель Иоанн митрополит Тобольский, они всеми силами старались по слову Господа Иисуса «да вси будут едино» быть с православной Россией, чтобы вместе составить святую Русь. И чтобы навсегда освободиться из польского владычества и избавиться от чуждого нам католичества и унии душепагубной, введенной и насажденной угрозами, пытками, насилием и смертью. Знайте! Помните! И не забывайте!

В г. Киеве никогда не было патриарха. Патриархи были и жили в Москве. Берегитесь самосвятской украинской группы (церкви) и унии». Киево-Печерской Лавры наместник о. Кронид Батюшке возразил, что уже самосвяты и униаты на Украине исчезли. Батюшка ответил грустно и печально: «Бес в них войдет, и они с сатанинской злобой ополчатся против православных веры и церкви, но их будет позорный конец, а их последователи понесут небесную кару от Господа Царя Сил».

Какие Батюшкины драгоценные слова и им нет цены: Батюшка все предвидел и знал наперед. Теперь явился украинский самосвятский архиерей, назвав себя Киевским патриархом, да еще и где? — в Америке. Да он не знает и забыл, что в Киеве никогда не было патриарха... А нам нужно всем обратить внимание: откуда может быть в Америке Киевский патриарх?! И некоторые себе на вечные мучения и к своему стыду кричат в безумии: «Наш патриарх!»

Батюшка предупреждал: «Чтобы верны были мы Московской патриархии и ни в коем случае не входили ни в какой раскол. Что те архиереи и иереи, которых ввели в смуту, большой сделали себе вред и множество православных душ погубили. Берегитесь так называемой зарубежной церкви и знайте, что она не состоит в диптихе православных церквей. Она не церковь, а часть Российской Церкви. Многострадальная церковь наша выстояла в безбожном государстве. Ей честь и слава и вечная похвала! Наша страна не зарубежная и наша церковь не зарубежная! Наша страна постоянная! У нас нет зарубежных церквей. Свободная церковь — это еретическое название. У нас все православные церкви и монастыри, в том числе и закрытые, и поруганные. Уходят в раскол и в ересь только недостойные милости Божией и великие грешники, которые не хотят знать: верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь! И что Православная Церковь есть тело Христово (разве можно тело Христа разделять) и, наконец, Церковь есть нешвенный хитон Господень (который подобно Арию нельзя разрывать). И не помнят, что Един Бог, единая вера и едино крещение. Господь Иисус Христос создал одну Церковь (а не церкви), которую не одолеют и врата адовы. Одна только Церковь Православная святая, соборная и Апостольская. Другие, называющие себя церквами, это не церкви, а плевелы диавола среди пшеницы и скопища диавола». Батюшка при этих словах помолился обо всех заблудших и отступившихся от правоверия, заплакал и сказал: «Нет, не призовет их Господь к покаянию, не спасутся, ибо не достойны милости Божия. Сие мне открыто Царицей Небесной и Святым Ангелом Хранителем». Батюшка свидетельствовал: «Мне было несколько явлений Царицы Небесной, посещала меня и Сама, и с Архангелами Михаилом и Гавриилом». Кроме меня, Батюшка сие говорил и схиарх. Варлааму. «В них (заблудших и отступившихся от правоверия) нет благодати Святого Духа, спасения и получения Царствия Небесного. Нам, православным, ничего не надо, а только православных веры, спасения души и получения Царствия Небесного, а у нашей Матери Русской

Православной Церкви все это есть. Благодарение Господу, и откалываться и отходить от нее — величайший и непростительный грех ни в сей жизни, ни в будущей — это хула на Духа Святого». И Батюшка озарился светом неземным, окончив свою беседу словами: «Слыши и виждь!» — так Святое Евангелие гласит, — и добавил: «Будут глухи и слепы!»

Схиархимандриты Феофан, Никифор и Варлаам

Еще схиархимандрит Феофан повествовал, что Батюшка Лаврентий с улыбкой радостно говорил: «Русские люди будут каяться в смертных грехах, что попустили жидовскому нечестию в России, не защитили Помазанника Божия Царя, Церкви Православные и Монастыри, сонм мучеников и исповедников святых и все русское святое. Презрели благочестие и влюбились бесовское нечестие. И что много лет восхваляли и ублажали, и ходили на поклонение разрушителя страны — советско-безбожного идола, а так же и кумира Сталина, почитая его имя бессмертным». Батюшка сказал, что когда Ленина бесы втащили в ад, тогда бесам было большое ликование, торжество в аде. И еще добавил: «...что когда Сталин в ад придет, то же самое будет. Погибнет память их с шумом. Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее Царство. Окормлять его будет Царь православный Божий Помазанник. В России исчезнут все расколы и ереси. Гонения на Церковь Православную не будет. Господь святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк Мучеников и Исповедников, начиная с самого высшего духовного и гражданского чина митрополита и царя, священника и монаха, младенца и даже грудного дитя и кончая мирским человеком. Все они умоляют Господа Бога Царя Сил, Царя Царствующих в Пресвятей Троице славимого Отца и Сына и Святаго Духа. Нужно твердо знать, что Россия — жребий Царицы Небесная и Она о ней заботится и ходатайствует о ней сугубо. Весь сонм Святых русских с Богородицей просят пощадить Россию. В России будет процветание веры и прежнее ликование (только на малое время, ибо придет Страшный Судья судить живых и мертвых). Русского Православного царя будет бояться даже сам антихрист. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании. Россия, кайся, прославляй, ликуя, Бога и пой Ему: Аллилуиа».

Схиархимандрит Феофан, схим. Александра и м. Олимпиада

Когда закрыли Киево-Фроловский монастырь, то две монахини Антония и Феодосия (тайные схимницы) приехали в г. Чернигов спросить у Батюшки о. Лаврентия: где им жить? что делать? и как быть? Они очень плакали и говорили, что за ними очень охотятся и их не сегодня-завтра заберут. Батюшка помолился, воздев руки на небо, и сказал: «Пойте и радуйтесь Богу. Ходите петь и читать в церковь, скрывайте во всех случаях свои монашеские имена, будете спасены и земное течение окончите во Фроловском монастыре». Говорили они, что много раз представители власти приходили, искали и спрашивали Антонию и Феодосию. М. Антония следила за уставом, пела, читала и иногда управляла хором. Подойдут к ней и спрашивают: «Где Антония или Феодосия?» Она им ответит: «Я таких не знаю». Они в ответ: «А вас как звать?» Она отвечает свое имя мирское: «Пелагея», и они уходят. Дождались открытия монастыря и там почил в Боге.

Пришла проситься в монастырь из с. Сивки Елена, Батюшка о. Лаврентий против и не благословил, и сказал: «Ее не принимать, ибо штунда (баптистка), не будет жить в святой обители». Архиерей и игуменья приняли. На послушания она ходить и работать не любила. Все не по ней. Наконец и ушла из монастыря.

Приехала из Киева монахиня Мелхиседека (сестра игумена Никольского монастыря Иллариона) поклониться мощам Святителя Феодосия и получить благословение у о. Лаврентия. Она с собой взяла в Киев схимонахиню Александру и эту же самую Елену и пошли втроем к Батюшке. Приходят, Батюшка строг, не принимает их и не дает им никакого благословения. Монахини Александра и Мелхиседека стали плакать и просить: «Батюшка, хоть благословите!» Елена стоит молча, но она и не хотела идти к Батюшке, а только по уговору матушек этих пошла. Да еще их уговаривала не ходить, что, мол, разумного этот старик скажет? Батюшка через монахиню позвал монахинь Александру и Мелхиседеку и сказал им: «Зачем вы уговорили и привели еретичку, и таскаетесь с ней, которая не станет на праведный путь...» И тут же, не благословивши их, выпроводил за двери. Выйдя от Батюшки, они начали горько и слезно плакать. Батюшка, умиловшись над ними, повелел им войти к нему втроем. Они вошли за двери и упали на колени, прося со слезами прощения за свое неразумие и своеволие, а Елена стоит, насупившись, и втихую им нашептывает: «Я вам говорила, не ходите, вот так вам и надо, чтобы вы знали...» Батюшка встал с трудом и помолился на святые иконы и, обратясь к м. Александре, сказал: «Великая благодать помолиться у Киевских Святынь» и м. Мелхиседеке сказал: «Надо ехать домой». К Елене Батюшка на сей раз обратился приветливо и ласково сказал: «Хорошо побывать в Киеве с верой, поклониться святым мощам и решить жить в Православии и благочестии в Законе Божиим. Молитвой и постом побеждая врагов человеческого спасения. Помни! Царицу Небесную не забывай! Кто не чтит Матерь Божию, Ангелов и Святых и презрительно смотрит на Крест Христов Животворящий, тот будет вечно гореть в адском огне и не будет видеть света Божия». И тут же Батюшка, подняв голову и руки и глаза устремив вверх, начал молиться об обращении заблудших и отступивших от Православия Веры и Церкви со слезами. Глядя на слезы Батюшки, и матушки плакали, но Елена стояла как окаменевшая. Батюшка обратился к Елене и сказал: «Какое вечное несчастье добровольно лишиться Веры Православия и Церкви и уйти в раскол от Православия Церкви!!!... Такие хоть бы и мученический венец получили, то вечные жизни будут лишены!...» Благословил Батюшка двоих аналойным крестом, но когда Елену благословлял и она целовала крест, он сказал: «Береги Господень Крест — знамя Спасителя мира Иисуса Христа». Дал Батюшка молча матушкам по крестик у нательному, но Елене, давая крест, он сказал: «Смотри, не потеряй Крест». Еще дал им по маленькой просфоре молча, а Елене большую со словами: «Смотри, чтобы свинья не съела твою просфору!» Елена, не имея смирения, будучи горда, ей казалось все это оскорблением, и она на все Батюшке возражала, например: «Что Вы, Батюшка? Чтобы крест потеряла? Или свинья съела просфору? Никогда и ни в коем случае» и т. д. и т. п. Батюшка их благословил в дорогу и сказал: «Молитесь у Киевских святынь и за меня» — ласково отпустил. Пошли монахини и Елена пешком. Устали и сели отдохнуть. Постлали салфетку и решили кушать. Сначала пробовать святыню. Елена взяла свою просфору и со смехом сказала: «Давайте съедим сначала мою просфору и будем знать, что свинья не съела». Положила на салфетку и в это время, откуда ни возьмись, большая свинья подобралась и схватила просфору. Матушки ужаснулись, а Елена ищет крест, не потеряла ли? Слава Богу, крест есть. Помолитесь в Лавре во Владимирском Соборе и женских монастырях. М. Мелхиседека ужасалась о происшедшем с просфорой и осталась дома. В г. Чернигов решила ехать с ними схим. Фекла, но когда узнала о происшедшем с ними, то не поехала. М. Александра пригласила для совместного путешествия схим. Мариам в Чернигов помолиться и взять у старца благословение. В дороге, во время отсутствия Елены, м. Александра рассказала м. Мариам о просфоре, данной Елене, и обо всем происшедшем во время их паломничества, и та очень удивлялась. Недалеко от Чернигова стали ночевать. Елена посмотрела крест — есть. Но утром встала, и нет креста. Перетрясли постель и везде искали, креста не нашли. Елена — в страхе и ужасе, недовольная случившимся. Батюшка предвидел и предупредил ее наперед. М. Мариам сказала: «Чудеса... и дивны

дела Божии в о. Лаврентий». Елена сама не своя. Вошли в г. Чернигов и пошли сразу к о. Лаврентию. Батюшка, помолвившись, благословил м. Мариам и Александру, а Елене, благословляя, сказал: «Ах, Елена, Елена, дал я тебе крест в вечную жизнь и просил не потерять, а ты потеряла. Дал и просфору, предупреждая, чтобы свинья не съела, а ты допустила, что она съела. Господи! Боже! Боже! До чего ты дошла?.. Знай! Что без Бога не можешь ничего сделать, оставь свое упрямство и свою волю и всецело предайся воле Божией. И еще предупреждаю: будь верна до смерти Православию и Церкви! Жаль, жалею я тебя... И еще скажу, когда я умру, хоронить не будешь». Она ответила: «Буду, буду!», но Батюшка ей в ответ: «Не будешь!» «Почему?» — спросила она Батюшку. «Спать будешь и проспишь» — сказал Батюшка. И еще повелел ей хранить Православную Веру и держаться Церкви. Заплакал и сказал: «Не сохранишь и не спасешься». Она обещала не отступать от Православной Веры и от Церкви.

Батюшка почил мирно в Боге. Елена приходила ко гробу в церкви, у гроба была и в усыпальнице прощалась с Батюшкой. Но при выносе гроба в церковь, во время погребения и когда был опущен гроб в гробницу и заложен плитой, ее не было. Она в эти времена спала и проспала. Елена начала слушать всех лукавых проповедников, не вняла Батюшкиному завету и всему случившемуся с ней, оставила Святое Православие и Христову Церковь. Клеветала с презрением, уничтожая Крест Господень, на все святое православное и церковное, осуждала архиереев и священников, отвергла молитву и пост, и святые мощи, и иконы. Ушла в баптисты и умерла без покаяния.

Все случившееся с Еленой пусть послужит всем уроком и назиданием, чтобы быть нам всем внимательными на пути спасения и духовной жизни и не оказаться к Божию промыслу о нас грешных глухими и слепыми. Господи, дай нам слух, чтобы слышать Тебя и Твоих Святых Повелений! Боже наш! Открой наши глаза, чтобы видеть Твоя дивна и несказанна чудеса!

Сх. Александра и Мариам, м. Мелхиседека

Батюшка заповедал: молиться и поститься. В праздники великие и в воскресенья ни в коем случае не работать: хоть град с неба, а пускай все на месте стоит. Среду и пятницу и все посты Батюшка велел соблюдать строго. Многим благословлял поститься в понедельник наравне со средой и пятницей и некоторым не вкушать мясной пищи, говоря: «Царство Божие не брашно и не питье».

Батюшка советовал многим ходить вечер и утро, а наипаче на Литургию ежедневно, что некоторыми и соблюдалось. Батюшка говорил, что прежде праздники соблюдаются в церкви и по примеру церкви дома.

Схиархимандрит Лаврентий на Болдиной горе в 1917—1925 годах возле Троице-Ильинского монастыря копал пещеры, которые были названы Лаврентьевы. Они уникальные и очень глубокие. А другие пещеры называются Алипиевы, потому что их копал преподобномученик игумен Алипий исповедник (был в тюрьме, вышел на свободу и был монахинями замазан кирпичом между стенами, и когда был высвобожден, то были на нем только кожа и кости). В пещерах игумена Алипия священномученик Пахомий схиархиепископ Черниговский освятил церковь во имя великомученика Георгия Победоносца 26 ноября ст.ст. в день Ангела игумена Алипия. В ней уже и служилась Божественная литургия.

Пещеры под руководством сих старцев копали верные люди г. Чернигова и богомольцы из ближних сел, и издалека пришедшие помолиться и поклониться святыням г. Чернигова. Вечером молились в Троице-Ильинском монастыре, потом шли и копали ногами пещеры, утром молились в церкви, и опять кто мог копали пещеры.

О. Лаврентий предсказал о. Алипию мученическую кончину. Он был убит сельским человеком. Но и о. Алипий сам предсказал свое погребение: однажды на Радоницу Пасхи он взял своих духовных чад монахинь и сказал: «Пойдемте с пасхальным яичком к той могиле, где никто не будет знать, кто здесь похоронен, и пропоем — Христос Воскресе! А теперь пойдемте к той могиле, где все будут знать». Игумена Алипия застрелили в яме. Монахини в военное время от испуга по быстрому сами похоронили своего дорогого Батюшку Алипия на том месте, где никто не знал. А потом немного успокоилось, и его перехоронили на то место, где все знают. О. Алипий был моряком в г. Кронштадте и по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского прибыл в Троице-Ильинский мужской монастырь г. Чернигова. О. Лаврентий и о. Алипий были два столпа и светильника монашеского жития, подражавшие преподобным о. Антонию и Феодосию Киево-Печерским во всем, и даже копанием пещер.

Говорила благочинная м. Виринея, что о. Лаврентий несколько раз посылал ее, чтобы она проверила и прочистила отдушину, которая была проделана сверху. Пещеры эти есть и в настоящее время, но вход в них закрыт и засыпан землей.

М. Еннафа, ин. Анна

Во время революции м. Глафира с другими единомысленными девицами решила пойти в г. Киев пешком. Тогда так и ходили. Пошли к о. Лаврентию за благословением. Он, помолвившись на иконы и благословляя, сказал: «Доброе дело Бог всегда благословит! Идите, только знайте, что посреди дороги будет перестрелка, вы не бойтесь и сразу сворачивайте в жито (рожь), и выйдете на дорогу, которая поведет вас через жито, выйдете на поле, и кончится перестрелка. Выходите на главную дорогу и спокойно идите до Киева, и обратно вернетесь, благодаря Бога». Все так и было. Так берег нас Батюшка любвеобильный своими молитвами.

М. Глафира, ин. Анна

М. Глафира рассказывала: «Мы были молодыми девушками и руководились о. Лаврентием. Жили в г. Чернигове в 1-м Холодном яру у одной очень благочестивой женщины по фамилии Зайчиха. По благословению о. Лаврентия и с его участием выкопали небольшую пещеру, так как местность была под горой. В этой пещере иногда молились, и особенно в то время, когда нас посещал дорогой молитвенник наш Батюшка. Церкви были закрыты. Батюшка ночью в этой пещере служил иногда и Божественную литургию. Ход в пещеру был с коридора в кладовую, с кладовой как бы в погреб и в пещеру. Закрывалась пещера крышкой. Однажды девочка сняла крышку, чтобы проветрить пещеру, и, забыв об этом, открыла дверь коридора и ушла. Хозяйкина корова в это время была во дворе, зашла в коридор, повернула в кладовую и упала в пещеру. Закрыв вход в пещеру собой, корова до половины была видна. Сполошились послушницы, испугались вместе с хозяйкой. Хозяйка позвала соседей мужиков. Пришли мужики, старались, но не могли ничего сделать. Не за что корову было взять, только видно было две ноги и хвост. Они сказали: «Что хотите делайте, но мы ничего не можем сделать, не за что брать корову, если бы можно было взять ее за рога, то мы бы вытащили». И ушли по домам. Я быстро побежала до Батюшки. Прибежала и все выше описанное рассказала. Схиархимандрит о. Лаврентий подал вид, что расстроился, и спросил: «Которая из вас оставила двери открытые?» Я ответила: «Маргарита». Батюшка, подняв голову, помолится минуты две и сказал: «Иди домой». Я бегом домой, открываю калитку, а корова бежит по двору и от радости выбрыкивает, потрясая головой. Корова сама из пещеры вылетела вверх, как будто кто-то ее из пещеры вытолкнул, в то время, когда о. Лаврентий молился. Хозяйка и сестры поблагодарили Бога и старца помощника за его святые молитвы».

В 1946 г. я работала на производстве уборщицей. Была молодая. И вот директор узнал, что я не являюсь членом комсомола. Начал меня агитировать и требовать, чтобы я подала заявление о принятии меня в комсомол. Дескать: «Я тебя жалею, пошло учиться, выведу в люди и будешь человеком». И так бесконечно каждый день, как только я ему попадалась на глаза. Пошла я до о. Лаврентия, в это время он был окружен множеством людей. Я рассказала ему все подробно... И он мне в ответ: «Если тебе еще хоть один раз скажет директор писать заявление (этим Батюшка дал понять, что по его святым молитвам директор больше не будет мне говорить), то ты скажи ему так: «Я ж не с рогами, чтобы писаться между рогатых (это означало, что комсомол — безбожное общество бесовское)».

Я отошла молча. Когда Батюшка ушел, меня окружающие люди спрашивали: «Что ты будешь говорить, ведь нельзя так говорить». Я им отвечала: «Я и сама не знаю, что я буду говорить». На работе я боялась встречи с директором. Но он мне ничего не сказал и больше никогда об этом не упоминал. Сильны молитвы старца, и так творились чудеса.

Ин. Анна

Когда Батюшка о. Лаврентий лежал на смертном одре, то пришла проститься с многими сестрами обители игуменья Антония. Все плакали, просили прощения, благословения и святых молитв. Батюшка, обратясь к игуменье Антонии, сказал: «Береги своих чад и сестер и люби». И сестрам сказал: «А вы слушайте свою мать игуменью. Кто не будет слушать, тот повредит спасению своей души».

Во время болезни Батюшки о. Лаврентия пришел епископ Иаков и сказал: «Батюшка, Вам нужно принять постриг в схиму». Батюшка ответил. «Нет, святой Владыко, пусть будет так как есть». Епископ Иаков отошел от Батюшки, со скорбию говоря: «Великий старец, не знаю, почему он отказался от схимы? Ведь все старцы великие и подвижники благочестия принимали святую схиму. Жаль мне великого старца».

Батюшка заповедал, в случае своей смерти, сразу позвать к себе схимонахиню Гавриилу. В тот же час пришла м. Гавриила и принесла схиму на расprostертых руках. Пришел владыка Иаков, увидев м. Гавриилу стоящую и держащую схиму на руках, и с удивлением и радостью духовною сказал: «Слава Богу! Батюшка — схимник».

И тут же м. Гавриила засвидетельствовала, что Батюшка давно уже схимник и постриг в схиму совершил священномученик Пахомий схиархиепископ Черниговский. Батюшку одели в схиму.

Батюшка жил скромно и смиренно, не говорил, что он схимник, не носил напоказ схиму и никогда на голову не надевал куколь. Лишь редко кто-то из монахинь говорил втихую, что дорогой Батюшка — схимник. Батюшка на голове носил всегда клобук.

После блаженной кончины схиархимандрита о. Лаврентия игуменья Антония ежедневно до 40 дней служила парастасы и заупокойные литургии. Делала трапезные обеды для странников и богомольцев. Раздавала много милостыни по монастырям и церквам для помина. 7 января по ст. ст. всегда в Троице-Ильинском монастыре были парастас и заупокойная литургия по Батюшке, совершаемые Черниговским архиепископом. На поминальном обеде были добрые воспоминания о почившем Батюшке, рассказывали Владыка, игуменья, о. Никифор и о. Антоний. Остальные молчали. Игуменья посмотрела в окно и сказала: «Там ходил Батюшка, — и тихо добавила архиепископу Андрею: — О. Лаврентий архиереев Симона и Иакова называл подвижниками и молитвенниками, и еще таковые будут. Но будет в г. Чернигове

архиепископ исповедник и будет в России гонение», — и заплакала, и у Владыки тоже появились слезы на глазах... И игуменья сказала: «Жду я разгона монастыря, а потом будет расцвет».

Похоронен схиархимандрит Лаврентий в низу Свято-Троицкого Собора монастыря в усыпальнице перед гробницей архиепископа Филарета Черниговского, а по сторонам похоронены другие архиереи.

Верующие глубоко чтут о. Лаврентия, и даже те, которые приезжают в г. Чернигов издалека, считают своим долгом поклониться могиле о. Лаврентия, на которой стоит его большой портрет. И все верят, что дорогой, приснопамятный и всеми незабываемый Батюшка вселился в светлые небесные обители и по-прежнему ходатайствует о своих любимых чадах и чтущих с верою его память, и о молящихся о нем и о всей Российской Богохранимей Стране, дабы мы пожили тихо и безмолвно в Православии, благочестии и чистоте.

Прочитавшие сие житие великого Черниговского старца, воздадим благодарение Господу Богу во Святей Троице, что Он дал нам грешным и в наш 20 век, век ложных чудес, успехов науки и техники, где, к сожалению, презирают и попирают веру и благочестие, посевая нечестие, такого светильника.

Батюшка говорил, что земля Русская никогда, то есть до Страшного Суда, не оскудеет великими старцами благочестия, молитвенниками и наставниками, подобно древним.

Схиигумен Херувим Дегтярь

Пока книга находилась в наборе, в г. Киеве на Архиерейском соборе схиархимандрит Лаврентий Черниговский был причислен к лику святых. 9 августа ст. ст. (22 августа н. с.) 1993 г. были открыты святые цельбоносные и чудотворные мощи преподобного и богоносного отца нашего Лаврентия и перенесены из усыпальницы Троице-Ильинского монастыря и поставлены в соборе Пресвятыя Троицы бывш. монастыря. Открытие и перенесение св.мощей совершил Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины со участием преосвященных архиереев: Антония, митрополита Черниговского и Нежинского, Илариона, епископа Херсонского и Таврического, Варфоломея, еп. Сумского и Ахтырского, и Кронида, еп. Днепропетровского и Запорожского (ныне покойного). Было множество духовенства. Верующие люди не могли все вместиться в величественный собор Троице-Ильинского монастыря. На молебнах поют припев: Преподобне отче наш Лаврентие, моли Бога о нас. В каждой православной церкви г. Чернигова по входе на литургию поют тропарь и кондак преподобному и богоносному отцу нашему Лаврентию.

Вознесем благодарение Господу в Троице Пресвятей славимому Единому Богу нашему, прославившему в наш век безверия, отступления и уклонения от Истины Православия. Да воссияет торжество Веры Православныя в стране Российской, как предсказал преподобный Лаврентий. Еже буди, буди... Аминь.

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси, и Тому тесным путем последуя, сосуд избран Духа Святаго быв, дар чудотворения и прозрения восприим: . сего ради в не вечернем свете Пресвятыя Троицы присно радуяся, поминай чад Твоих, Лаврентие преподобие, отче наш.

ИН. ТРОПАРЬ, ГЛАС 8

Днесь светло красуется град Чернигов, и торжествует обитель Пресвятыя Троицы, се бо в ней молитвою и постом пребывая, иночествующим и верным людям велий наставниче и скорый помощниче, и избранник пречудный Царицы Небесныя явился еси, сияя яко звезда лучезарная в стране Российской, преподобне отче наш Лаврентие, моли Человеколюбца Бога спасти души наша.

КОНДАК, ГЛАС 4

Мир оставив, чистоту ангельскую стяжав еси, и миру любвию послужив, отче наш Лаврентие, помощь благодатную с верою приходящим обильно являя: тем же и в премирная селения достойно вселився, телом нетленным с нами пребываеши, утверждая нас в православней вере отцев наших, душею светозарного Подателя мира молишися даровати, нам мир и велию милость.

ИН. КОНДАК, ГЛАС 4

Возсиял еси яко светильник лучезарный, услыша глас Царицы Небесныя, и последовав невозвратно зову Ея. Пришед в обитель Пресвятыя Троицы, идеже Владычицы Богородицы чудотворная икона, целомудренно собрав стадо словесных овец. Не забуди и нас, последовавших ти, и да избавит Господь геенны вечныя, совершающих святую память твою, преподобне отче наш Лаврентие.